

18+

ДЖЕЙМС БАЛЛАРД

Ballard

УТОНУВШИЙ ВЕЛИКАН

коллекция рассказов

FANZON

Джеймс Грэм Баллард УТОНУВШИЙ великан

Серия «Fanzon. Архитектор антиутопий.
Фантастика Джеймса Балларда»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74121925

Утонувший великан / Джеймс Баллард: Эксмо; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-250105-0

Аннотация

Второй том полного собрания рассказов лидера «новой волны» и автора романов «Империя солнца», «Автокатастрофа» и «Высотка».

За четыре десятилетия литературной карьеры Джеймс Баллард заслужил репутацию одного из самых выдающихся и оригинальных британских романистов, однако на протяжении всей своей карьеры он был также чрезвычайно плодовитым автором рассказов. Более того, многие считают, что именно в короткой форме его талант раскрывается наиболее полно. Эти оказавшие значительное влияние тексты публиковались как в журналах научной фантастики и контркультурных изданиях, так и издавались отдельными сборниками.

Расположенные в порядке их написания и первоначальной публикации, они нередко становились центральными идеями

или образами, которые впоследствии получали развитие в более поздних романах. Эти рассказы дают уникальную возможность увидеть, как работает воображение одного из величайших британских писателей.

Здесь научная фантастика, доведенная до предела философии, лишенный чудовищ хоррор, главный источник ужаса которого – сама природа сознания, и проза, которая не дает ответов, но заставляет всматриваться в бездну.

Во второй том вошли рассказы, написанные в 1962—1969 годах.

Издание снабжено вступлением Адама Тирлвэлла и интервью с Джеймсом Баллардом.

«Имя Балларда стало нарицательным и прилагательным. Известный благодаря экранизациям своих романов, он был также невероятно плодовитым и провокационным мастером короткой формы... Незаменимая книга незаменимого писателя». – *Booklist*

«Рассказы – лучший способ впервые познакомиться с Баллардом и проследить, как он стал самым оригинальным британским писателем послевоенного времени. Это сборник демонстрирует широту и эволюцию его творчества – и показывает, что слово "баллардианский" еще далеко не исчерпало своих значений». – *The National*

«У этих рассказов есть удивительная особенность – то, как легко понять происходящее в этих альтернативных реальностях, несмотря на минимальное количество объяснений, и насколько эти реальности правдоподобны благодаря отстраненному повествованию автора. Даже в самых невероятных ситуациях он находит обыденные детали и связывает их с нашей реальностью». – *Seattle Times*

«Джеймс Баллард – изящный, постоянно развивающийся стилист, чьи идеи почти всегда воплощены с безупречной точностью». – *Bookslut*

«Каждый из этих рассказов – словно сон, реализованный точнее любого из наших собственных. В конечном счете Баллард – великий рассказчик, создатель незабываемых словесных артефактов, столь же завершенных и загадочных, как скульптуры, которые невозможно охватить одним взглядом». – *The New York Times Book Review*

«Получите недели восторга и читательского наслаждения». – *Los Angeles Times*

«Мастер короткой прозы – создатель незабываемых словесных артефактов, таких же завершенных и загадочных, как скульптуры, которые невозможно рассмотреть с одной единственной точки зрения». – *Джонатан Летем*

«Мрачные, тревожные и полные меланхолии – рассказы беспокоят воображение, как картины Дали или фотографии Хельмута Ньютона». – *The Washington Post*

«Баллард, вероятно, самый оригинальный английский писатель прошлого столетия... эта книга незаменима». – *Чайна Мьевиль*

«Настоящее откровение; обязательное чтение». – *Literary Journal*

Содержание

Предисловие	7
Человек управляемый	20
Садок для рептилий	54
Проблема возврата	74
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Джеймс Баллард

УТОНУВШИЙ великан

J. G. Ballard

The Complete Short Stories. Volume 2

Copyright © 2001 by J. G. Ballard

© Е. Трубецкая, перевод на русский язык, 2026

© Г. Шокин, перевод на русский язык, 2026

© Г. Соловьева, перевод на русский язык, 2026

© М. Пчелинцев, перевод на русский язык, 2026

© А. Бурцев, перевод на русский язык, 2026

© О. Макеева, перевод на русский язык, 2026

© А. Бушуев, Т. Бушуева, перевод на русский язык,
2026

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Предисловие

Адам Тирлвэлл

Перевод Е. Трубецкой

1

О сборнике рассказов Дж. Г. Балларда нельзя говорить как-то однозначно. Они настолько разные, что ни один читатель просто не в состоянии охватить их все. И поэтому, говоря об этом колоссальном произведении, стоит позаимствовать термины из геологии и других естественных наук. Слои или эпохи – вот наиболее уместные слова. Если же попытаться уместить в одном абзаце сжатую хронику этих эпох, получится примерно следующее...

Вначале была эпоха, которую для простоты изложения можно назвать научно-фантастической. Это было время, когда природа самой Природы претерпевала зловещие изменения, внезапно становясь техногенной. В соответствующих рассказах, где действие зачастую происходит в искаженной копии Палм-Спрингс, мы встречаем звуковые скульптуры, поющие цветы и много других диковинок. В следующей эпохе Баллард еще больше увлекается видоизменением есте-

ственных вещей. Теперь эти изменения затрагивают самые глобальные аспекты существования: время и пространство. С наступлением третьей эпохи воображение Балларда рисует все более и более апокалиптические картины, полнится образами экологической катастрофы. События всех трех эпох вылились в немалый, плотно загруженный объем: в первую часть полного собрания, занимающую 750 страниц, входит только период с 1956 по 1964 год. Вторая часть такого же объема включает большой временной промежуток – с 1964 по 1992 год¹. И наконец, где-то в конце шестидесятых возникла новая и последняя эпоха: теперь глобальные изменения затрагивали современные стихии жизни: автоматизированную бухгалтерию, террор и диктатуру, бездуховную порнографию. Яркая и неопрятная вереница мотелей, полетов в космос, попыток убийства – вот пейзажи баллардовских рассказов последней и самой долгой эпохи. Другими словами, эти рассказы образуют антологию, которой нет равных в британской литературе двадцатого века. Она уникальна.

2

В 1967 году в интервью Джорджу Макбету Баллард попытался объяснить, в чем отличие его прозы от творчества современников-фантастов. «Большая часть фантастики, ко-

¹ Имеется в виду двухтомное собрание рассказов. (*Прим. ред.*).

торая сейчас пишется, – говорил он, – по сути своей обращена в прошлое. Она затрагивает опыт, поведение, развитие личности героя на протяжении огромного промежутка времени, рассматривает истоки всего этого. Она показывает события через призму прошлого, чаще всего при помощи линейного повествования. Они, таким образом, имеют более-менее четкий хронологический порядок, который здесь как раз уместен. Но если, – продолжал Баллард, – писатель обращается к настоящему – а я, собственно, надеюсь, что в этих рассказах сумел заново открыть его для себя, – то должен воспользоваться нелинейной техникой. Ведь наша нынешняя жизнь, в конце концов, не подчиняется линейным законам. Она многообразна и объемна, это цепь внезапных, случайных событий».

Эта баллардовская теория, конечно, поражает своим масштабом, но, на мой взгляд, не совсем верна. Точнее, она может быть верна, но лишь в рамках эксперимента. Вдумчивому читателю необходимо опираться и на традиционную историю литературы. Ибо рассказы Балларда отнюдь не следуют наиважнейшему из канонов этого жанра – традиции иронического реализма Чехова и Мопассана. Лучшие из рассказов, по мнению Балларда, «написаны Борхесом, Рэем Брэдбери и Эдгаром Алланом По». В собственных его произведениях вселенные точно так же вырываются за свои пределы. Но мало просто дать этой новой литературной традиции название. Итало Кальвино в своем эссе о фантастике вывел

определение философии, что лежит в ее основе: «Загадка реальности, которая нас окружает, ее необычные аспекты, которые могут оказаться всего лишь порождениями большого разума, и самые обыкновенные детали, тривиальный облик которых подчас скрывает вторую сущность, более тревожную, таинственную и мрачную, – эта загадка и есть основа фантастической литературы. Ее мощное воздействие на разум кроется именно в балансе между двумя несовместимыми уровнями реальности».

Но как раз здесь прилежного читателя подстерегает проблема. Для произведений Эдгара Аллана По вышеприведенная теория, может быть, и верна. Но применительно к творениям Балларда она ничем не поможет. И вот в этот момент нашему идеальному читателю нужно сделать паузу, чтобы рассмотреть конкретный пример.

3

Один из самых примечательных рассказов Балларда называется «Голоса времени». Его стиль выбивается из привычного авангарда. На первых страницах происходит диалог, примечательный своей неестественной формальностью: «Над чем работаешь, Роберт? – спросил он. – Все еще едешь в лабораторию Уитби?» Судя по манере повествования, стиль можно охарактеризовать как классику эдакого «реализма разбитого поколения» («Улыбаясь через ожог,

Андерсен немного подумал, что же ему сказать»). И все же читатель, предвкушая привычную историю и предысторию, скоро поймет: общепринятые литературные каноны здесь неуловимо искажены. Герои носят необычные имена – Калдрен, например, или Кома. А предыстория, изложенная намеками, полнится необъяснимым (излюбленная техника Балларда): мы видим мистические детали пейзажа, «брошенные восемьдесят лет назад золотодобывающие машины». Но видим также и невероятно четкое описание диковинных «наблюдательных пунктов» и «стеклянных плит куполов», видим затейливый лабиринт научных терминов, выходящих далеко за рамки общепринятых представлений о культурном коде среднего читателя. «Он доказал, что это произошло в результате выделения из протеиновых структур генов скопившейся в них энергии. Сходный процесс – колебание мембраны в резонанс звуку».

Будущее здесь может одновременно быть и настоящим. Все перемешано, а причина этого как раз и составляет смысл рассказа. На первый взгляд, основная идея сюжета – странные открытия, которые биолог Уитби сделал в сфере активации молчаливых генов. Его коллега Пауэрс медленно умирает, и за время, которое ему осталось, пытается проникнуть в суть экспериментов Уитби, в ходе которых потаенное будущее живого организма пробуждается к жизни. Разгадка же прячется в странном поступке Уитби летом незадолго до его самоубийства. «Позднее Пауэрс часто думал об Уит-

би и о странных углублениях, выдолбленных биологом на дне оставленного плавательного бассейна без видимой цели. Углубления эти, глубиной в дюйм и длиной в двадцать футов, складывались в какой-то сложный иероглиф, похожий на китайский». В конце концов, Пауэрс решает воспроизвести это изображение в бетоне, поставить его посреди высохшего соленого озера. Когда он его заканчивает, это оказывается мандала – миниатюрная схема Вселенной. И Пауэрс входит в ее центр. «Над собой он слышал звезды, космические голоса, наполнявшие небо».

Главная тема этого рассказа – энтропия, разрушение. И как следствие, в будущем это не только смерть человеческого тела, но и гибель звезд, исчезновение планеты. Вот почему неколебимой основой сюжета становится таинственная мандала. Последнее, что Пауэрс видит умирая, – образы мандалы, «космические часы – неотрывно смотрящие ему в глаза».

4

Баллард ощущал, что выходит далеко за рамки привычного ретроспективного мышления – и неудивительно! Среди его любимых книг есть рассказы Хемингуэя, «Алиса в Стране чудес», «Голый завтрак» – всем этим он явно вдохновлялся в своем творчестве. Но два пункта в этом списке стоят особняком благодаря своей экстравагантности: записи переговоров из кабин самолетов, извлеченные из чер-

ных ящичков, и лос-анджелесский телефонный справочник «Желтые страницы». Этот справочник, по признанию самого Балларда, – единственная книга, которую он в своей жизни украл. «„Желтые страницы“, – писал он, – уникальны тем, что иллюстрируют реальную жизнь Лос-Анджелеса, так непохожую на гламурный мирок кинопремьер, звезд и продюсеров. Психиатров там больше, чем водопроводчиков, брачных агентств больше, чем врачей, а салонов для стрижки собак больше, чем ветеринаров. Подобно тому, как объявления в газете характеризуют круг ее читателей, телефонный справочник любого города отлично показывает его истинное лицо. В лос-анджелесских „Желтых страницах“ собрано больше человеческих трагедий, чем во всех романах Бальзака».

Что характеризует натуру человека? Что им движет? Традиционные человеческие устремления присутствуют в рассказах Балларда, но лишь в форме воспоминаний: города на холмах и античные гермы на старинных картинах. Причина отказа от этих ценностей кроется в явлении, которое Баллард назвал «гибелью чувств». Двадцатый век породил не только страшные зверства вроде Хиросимы и холокоста, но и много другого зла: виртуальный мир компьютеров, олигархию и прочее. Среди этого всего уже не осталось места прежнему человеку. Можно, конечно, оспаривать такую теорию, но дело не в этом: именно она вдохновила Балларда на создание иной, принципиально новой литературы. В своих

произведениях, парадоксально традиционных по форме, он описывает человеческую натуру в мире, где традиционные правила больше не действуют. И в основном не создает новые сюжеты, а использует повторяющиеся. «Голоса времени» не исключение – здесь читатель увидит переработанные версии образов и идей из предыдущих рассказов. Одержимость звуком и звуковыми волнами из «Шалости Венеры» и «Чистильщика звука», неизведанные планеты из «Угодья Ожидания», бессонницу из «Люка 69». Но в каждом рассказе такие образы тасуются по-разному, создавая новую канву. Эту систему можно назвать надуманной – но правда, на мой взгляд, гораздо более неожиданная. Сформулировать ее можно так: раньше в основе всей фантастики лежала отдельная человеческая личность во всем многообразии особенностей поведения и самоощущения. Баллард же в своей литературе выводит на первый план не человека, а гораздо более масштабную сущность: невыносимое давление со стороны общества, окружения, которое никто не принимает во внимание. А между тем оно, по мнению Балларда, определяет всю жизнь современного человека, вынужденного быть частью толпы, частью стада. Вот почему не совсем верно сравнивать его с Борхесом, Кафкой или По. Его проза по своей структуре гораздо современнее, и эта нарочитая современность всегда несет в себе едва различимое зерно сатиры. Баллард постоянно утверждал, что пишет не о будущем, а о «выдуманном настоящем», и именно злободневность этого

настоящего обуславливает тревожность, которую мы видим в его философских произведениях. Если Балларда и стоит с кем-то сравнивать, так это с великим фантазером Жюлем Верном. Оба они наделяют все современное и популярное – подводные лодки и космические корабли, рентгеновские лучи и теорию генов – смыслом гораздо более глубоким и мрачным.

Каждый писатель, рассказывая в своей книге о каком-то месте, реальном или не очень, придумывает его заново. «Когда-то у меня ушло около сорока лет на то, чтобы выдумать Россию и Западную Европу, – писал Набоков в послесловии к „Лолите“, – а теперь мне следовало выдумать Америку». И Баллард в своих произведениях выдумывает места действия с величайшим мастерством. Он, всегда так яростно изобличавший тоталитаризм, как никто разбирался в тоталитарной сущности фантастической литературы, был знатоком ее способности играючи диктовать свои условия. Властно и легко он вводит в текст странные аббревиатуры, искажает слова. Эти приемы прослеживаются уже в первом рассказе сборника, «Прима Белладонна»: «До переезда в Алые Пески он служил куратором старой консерватории в Кью, где впервые вывели поющие растения».

Мастерство Балларда в измышлении разных мест поражает в основном потому, что, создавая их, он одновременно описывает и мир, в котором живет сам. На страницах своих произведений он выводит устремления социума, его дух,

именно потому, что жизнь общества в двадцатом веке постоянно менялась, вбирая в себя множество разных сфер. В русло общих законов природы, где жизнь текла прежде, теперь вливались новые струи: реклама, рынок ценных бумаг, виртуальная реальность. Баллард виртуозно описывает ландшафт нашей эпохи, абстрактные насыпи и просеки, из которых состоят бескрайние окрестности наших городов. Такие вот абстракции без всяких деталей Баллард и предпочитает использовать как место действия в своих рассказах, воплощая их то в виде бетонной набережной, усаженной пальмами, то неизведанной планеты, то лаборатории, где создаются технологии будущего.

И хотя мне кажется очень важным подчеркнуть, что действие в его рассказах происходит по всему миру, от «Апартаментос Калифорния» до Канн, на самом деле это везде Великобритания. Взять хотя бы «Голоса времени»: да, там показана энтропия космического масштаба – но это та же самая энтропия, которую Баллард увидел на задворках угасающей империи. Британия была самой современной страной в мире именно потому, что по энтропии ей тоже не было равных. А значит, и по озлобленности, враждебности, унынию, серому туману и бетону. Стоит только поглядеть на эстакады и многоуровневые парковки под дождем – сплошная антиутопия!

Позднее это необычное визионерство стало проявляться все сильнее и достигло высшей концентрации в поздних романах, по времени написания выходящих за рамки этого

сборника. Это и финансовая гиперреальность, которую Баллард исследует в «Опьяняющих ночах» и «Суперканнах», и мракобесие буржуазии в «Людах Миллениума» и «Лучшем мире». И эти перемены носят технический характер. Интерес к изменению слов, отличавший его ранние рассказы, постепенно принимает другие масштабы, перетекает в интерес к глобальным лингвистическим изменениям в культуре. Баллард становится законодателем новых правил: рассказ теперь может быть очень простым по стилистике, как, например, хулиганский шедевр «Почему я хочу трахнуть Рональда Рейгана», написанный в 1968 году, когда Рейган только-только стал губернатором Калифорнии. И одновременно может отличаться настоящим буйством лексики – медицинской, психологической, социологической, выражающей самые что ни на есть крамольные фантазии. «Были созданы многодорожечные кинофильмы о „Рейгане“, совокупляющемся во время (а) предвыборных выступлений, (б) столкновения автомобилей при наезде сзади, с участием машин одно- и трехлетней давности выпуска, (с) с приборами выхлопной системы, (d) с жертвами войны во Вьетнаме». При помощи этой «шоковой терапии» Баллард наделял жанр рассказа новыми возможностями, уводя его от чеховских канон тонкого психологизма.

Вместо этого Баллард ставил во главу угла системы, материальные и умозрительные: огромные площади городов с их автострадами и бескрайние психоневротические пейзажи, скрытые в человеческом сознании. В своей фантазматической о Рональде Рейгане он впервые улавливает близость между собой разных, казалось бы, забот и проблем современности. И даже их сопряченность: виртуальные миры кино, политики и психоанализа являют собой разные формы одного и того же насилия. Вот почему для его поздних работ характерна такая эквилибристика в части эмоциональной окраски: каждую отдельную систему он преподносит как вариант какой-то иной.

Один из своих последних рассказов, «Объект нападения», Баллард написал в 1984 году. Как всегда, не без налета жанровой литературы – события сменяют друг друга очень быстро. Но в этой истории о покушении на убийство читатель видит, как все страхи автора взаимодействуют друг с другом внутри крошечной суперсовременной лаборатории. За внешними декорациями буржуазного британского общества таятся жестокие силы, а почет королевской семьи, власть американского президента и невероятные космические путешествия несут в себе шифры маниакальных форм безумия.

А с другой стороны, почему бы и нет? Если мандала пред-

ставляет собой картину мира, то в каждом рассказе есть своя мандала. И согласно баллардовским канонам это может означать, что каждый его рассказ – тоже своего рода космические часы, отсчитывающие минуты до самой последней катастрофы.

Лондон, 2014

Человек управляемый

Перевод Г. Шокина

– Знаки, доктор! Вы прочли все эти знаки?

Нахмурившись, доктор Франклин ускорил шаг и поспешил вниз по ступенькам больницы к ряду припаркованных автомобилей. Оглянувшись через плечо, он заметил худого, неряшливо одетого молодого человека в рваных сандалиях и заляпанных известкой джинсах. Сперва тот махал ему с противоположной стороны подъездной аллеи, а затем вдруг бросился в погоню, увидев, что Франклин пытается ускользнуть от него.

– Доктор Франклин! *Знаки!*..

Опустив голову, Франклин обогнал пожилую пару, приближавшуюся к амбулаторному отделению. Его машина стояла в сотне ярдов. Слишком уставший, чтобы сбежать, он подождал, пока молодой человек нагонит его.

– Ладно, Хэтэуэй, что на этот раз? – раздраженно огрызнулся он. – Меня уже тошнит от того, что ты торчишь здесь весь день.

Хэтэуэй резко остановился перед ним. Челка нестриженных черных волос падала ему на глаза, как навес. Он наскоро разделил ее надвое пальцами с давно не стриженными ногтями и широко улыбнулся, явно радуясь встрече с доктором

и не обращая внимания на его враждебность.

– Я пытался дозвониться до вас ночью, док, но ваша жена, как слышит мой голос, сразу же кладет трубку, – сообщил он без тени недовольства, будто давно смирившись с подобным пренебрежением в свой адрес. – Ну и я не хотел искать вас в клинике...

Они стояли у живой изгороди из бирючины, которая скрывала их от окон нижнего этажа главного административного корпуса, но регулярные встречи Франклина с Хэтэуэем и его странные мессианские воззвания уже стали предметом насмешливых пересудов среди персонала.

«Спасибо и на том, что ты не стал меня искать», – хотел было сказать Франклин, но еще до того, как слова сошли с языка, Хэтэуэй остановил его небрежным жестом руки:

– Полноте, док, сейчас на повестке дня не церемонии, а вещи поважнее. Они приступили к монтажу первых больших билбордов. Каждый – на подставке высотой более ста футов, на пешеходных переходах сразу за городом. Скоро перекроют все подъездные пути. Когда они это сделают, нам лучше перестать думать.

– Твоя беда как раз в том, что ты слишком много думаешь, – бросил ему Франклин. – Ты уже несколько недель бессвязно рассуждаешь обо всяких «знаках». Скажи, ты своими глазами видел хоть один?

Хэтэуэй сорвал горсть листьев с живой изгороди, раздраженный их неуместностью.

– Разумеется, нет. Но, доктор, *в этом-то все и дело.* – Он понизил голос, когда мимо прошла группа медсестер, с беспокойством наблюдавших за ним краем глаза. – Прошлой ночью строительные бригады снова работали, прокладывая огромные силовые кабели. Вы увидите их по дороге домой. Сейчас все уже почти готово!

– Они монтируют дорожные знаки, – терпеливо объяснил Франклин. – Только что была закончена эстакада. Хэтэуэй, ради бога, расслабься. Постарайся думать о Доре и ее ребенке.

– Я думаю о них! – Голос Хэтэуэя сорвался на крик. – Эти провода держат напряжение в сорок тысяч вольт. Строительные платформы загружены гигантскими стальными решетками. Завтра они начнут ставить их по всему городу и закроют половину неба! Как думаете, какой будет Дора через полгода после этого? Нужно остановить их, доктор, они хотят запечь нам все мозги!

Смущенный словесным напором сумасброда, доктор Франклин, на миг забыв, кто он и где находится, стал беспомощно озираться, выискивая в море машин свою.

– Хэтэуэй, я больше не могу тратить время на разговоры с тобой. Тебе нужна квалифицированная помощь, поверь. Все эти навязчивые идеи начинают овладевать тобой.

Хэтэуэй начал было протестовать, но Франклин решительно поднял правую руку.

– Послушай, в последний раз говорю: если сможешь пока-

зять мне один из этих новых знаков и доказать, что он транслирует команды, влияющие на подсознание, мы с тобой вместе обратимся в полицию. Но пока что тебе нечего предоставить, и ты сам это знаешь. Реклама, воздействующая на подсознание, была запрещена более тридцати лет назад, и с тех пор законы о ее применении ни разу не нарушались. В любом случае, техника была очень слабая, а успехи – мизерные. Твоя идея о масштабном заговоре с тысячью гигантских вывесок всюду абсурдна.

– Хорошо, доктор. – Хэтэуэй прислонился к капоту одной из машин. Казалось, настроение у него резко поменялось. Он дружелюбно наблюдал за Франклином. – В чем дело, вы потеряли свою машину?

– Это твоя трескотня совершенно сбила меня с толку. – доктор вытащил из кармана ключ зажигания и прочитал номер: – NY-299-566-36721. Видишь такую?

Хэтэуэй лениво облокотился на капот, задрал одну сандалию, и оглядел площадь – перед ними выстроилось около тысячи машин.

– Сложно ориентироваться, не правда ли, когда все они одинаковые, даже одного цвета? Тридцать лет назад было около десяти разных марок, и каждая выпускалась в дюжине цветов.

Франклин наконец заметил свою машину и направился к ней.

– Шестьдесят лет назад было сто марок, и что? Очевидно,

экономия от стандартизации достигается дорогой ценой.

Хэтэуэй легонько постучал ладонью по крыше:

– Но этот транспорт не такой уж и дешевый, доктор. На самом деле, если сравнивать со средними доходами тридцатилетней давности, машины стали примерно на сорок процентов дороже. Поскольку выпускается только одна марка, можно было бы ожидать существенного снижения цен, а не их повышения.

– Возможно, – сказал Франклин, открывая дверцу. – Но современные автомобили намного совершеннее в техническом отношении. Они легче, долговечнее и безопаснее в управлении.

Хэтэуэй скептически покачал головой.

– Они мне надоели. Одна и та же модель, один и тот же стиль, один и тот же цвет из года в год. Это ведь своего рода коммунизм. – он провел жирным пальцем по ветровому стеклу. – Опять новая, да, док? А куда вы дели прежнюю? Ведь она прослужила вам всего три месяца, не больше.

– Я продал ее, – сказал Франклин, заводя двигатель. – Если бы у тебя когда-нибудь завелись деньги, ты бы понял, что это самый экономичный способ владения личным транспортом. Нельзя же ездить на одной и той же машине, пока она не развалится. То же справедливо и для любого другого имущества, будь то телевизор, стиральная машина или холодильник. Но в твоем случае этот вопрос даже не встает – ты же у нас убежденный безземельник...

Хэтэуэй проигнорировал насмешку и облокотился на окно машины Франклина.

– Тоже неплохая идея, доктор. Надо хорошенько обдумать ее. Но я работаю по двенадцать часов в день не для того, чтобы оплачивать уйму вещей, до которых у меня из-за занятости и руки-то не дойдут, – а они за это время, видите ли, *устареют*. – он помахал рукой, когда Франклин вывел машину задним ходом из ряда, а затем крикнул в облако выхлопных газов: – Быстро не гоняйте, а то потом медленно понесут!

По дороге домой Франклин старался ехать по самой «медленной» из четырех скоростных полос. Как обычно, после бесед с Хэтэуэем он ощущал легкую подавленность. Подсознательно он завидовал вольному, как перекаати-поле, образу жизни этого типа. Несмотря на грязную квартиру с вечно холодной водой в тени грохочущей эстакады, несмотря на ворчливую жену и их больного ребенка, извечные препирательства с домовладельцем и кредитным менеджером супермаркета, Хэтэуэй по-прежнему сохранял свободу. Избавленный от каких-либо обязанностей, он мог сопротивляться малейшему посягательству на него со стороны общества, хоть бы и упиваясь навязчивыми идеями вроде самой свежей – о подсознательной рекламе.

Способность реагировать на раздражители, пусть даже иррационально, – важный аспект свободы. Если сравнивать

с Хэтэуэем, свобода Франклина имела отчетливый привкус «второй свежести». Ее радикально ограничивали многочисленные обязанности, занимавшие главное место в его жизни: три ипотечных кредита на дом, непременные вечеринки с коктейлями и просмотр телепередач, а также работа частного консультанта, занимавшая большую часть субботы, но зато оплачивающая взносы за множество бытовых приборов, одежду и траты по праздникам. Единственное время, когда он был предоставлен самому себе, – по пути на работу и обратно.

Но, по крайней мере, дороги были великолепны. Какие бы критические замечания ни высказывались в адрес современного общества – оно, безусловно, знало, как строить дороги. Восьми-, десяти- и двенадцатиполосные скоростные автомагистрали пересекали континент, спускаясь с насыпных дамб к гигантским автостоянкам в центре городов или разделяясь на крупные пригородные магистрали с многоакровыми парковочными площадками возле торговых центров. В совокупности дороги и автостоянки занимали более трети всей территории страны, причем в окрестностях городов их доля была выше. Старые города были окружены огромными, захватывающими дух абстрактными скульптурами в виде клеверных развязок и эстакад, и даже при таком-то изобилии от пробок было никуда не деться.

Десятимильный путь до его дома на самом деле составлял более двадцати пяти миль и занял у него вдвое боль-

ше времени, чем до строительства скоростной автомагистрали; причем дополнительные мили накрутились за счет поездки по трем гигантским лепесткам бетонного «клевера». Новые города на пути его следования буквально вырастали из групп мотелей, кафе и автомобильных киосков, расположенных вдоль шоссе. При малейшем намеке на перекресток среди леса электрически подсвеченных указателей и маршрутных табло вырастали трущобы из лачуг и заправочных станций.

Вокруг него проносились машины, устремленные в пригород. Расслабленный плавным движением автомобиля, Франклин перестроился на следующую полосу скоростного движения. Когда он разогнался с 40 до 50 миль в час, из-под его шин вырвался резкий, режущий слух звук. Автомобиль затрясся на рессорах, жалобно скрипя. Якобы для поддержания дисциплины на трассах, дорожное покрытие тут застилали сеткой из мелких резиновых шипов, разбросанных на возрастающем расстоянии друг от друга в каждой полосе движения – так, что при езде по ним шум от шин был слышен на скоростных режимах 40, 50, 60 и 70 км/ч. Езда на скорости в течение более чем нескольких секунд выматывала нервы водителя, вдобавок приводя к износу шин и подвески.

Когда шипы изнашивались, их заменяли на такие же, но с немного другим рисунком, который подходил к рисунку протекторов новых моделей. Таким образом, смена шин становилась одной из регулярных, а не просто сезонных, обя-

занностей; зато показатели безопасности на трассе вроде как поднимались выше некуда – равно как и доходы производителей. Многие автомобили, прослужившие хозяину больше полугода, вскоре просто разваливались на части от постоянной тряски, но на то и был расчет: увеличение оборота снижало цену за единицу продукции и приводило к более частой смене моделей, также избавляя дороги от потенциально опасных транспортных средств.

В четверти мили впереди, на подъезде к первой из «клеверных» полос, поток машин замедлился, появились огромные полицейские знаки, предупреждающие о том, что впереди трасса перекрыта; допустимый скоростной режим – десять миль в час. Франклин попытался вернуться на прежнюю полосу, но та уже была забита бампер к бамперу. Когда новый приступ тряски разнесся по всему салону, провоцируя боль в позвоночнике, доктор стиснул зубы и изо всех сил зажмурился, стараясь не протянуть руку к клаксону. Другие водители отличались куда меньшей сдержанностью – гудки ревели отовсюду. Дорожные налоги в настоящее время небывало взлетели, до тридцати процентов от валового национального продукта – для сравнения, подоходный налог насчитывал всего два процента. Любая, даже самая пустяковая пробка на скоростных магистралях немедленно требовала правительственного расследования. Главные государственные департаменты были повернуты на сверхэффективном менеджменте дорожных систем.

Ближе к «клеверному листу» полосы были перекрыты, чтобы бригада строителей могла воздвигнуть массивный металлический знак на одном из бетонных островков между полосами. Огороженная частоколом территория кишела инженерами и геодезистами, и доктор Франклин предположил, что это тот самый знак, который попался Хэтэуэю на глаза прошлой ночью. Квартира Хэтэуэя, собственно, находилась в одном из ветхих зданий в стихийном поселке, притулившемся рядом с ближайшей эстакадой, в районе с низкой арендной платой, населенном персоналом станции технического обслуживания, официантками и трудовыми мигрантами.

Конструкция выглядела титанической, не менее ста футов высотой. Мощные сводчатые решетки, похожие на радарные дуги, торчали из нее, и все это поддерживалось несколькими бетонными опорами. Она возвышалась над подъездными путями, обозримая на сотни миль. Франклин вытянул шею, разглядывая решетки и прослеживая, как силовые кабели от трансформаторов вплетаются в замысловатую сетку металлических витков, покрывавших все эти «радары». Вдоль верхней стойки уже горел ряд красных сигнальных маячков, и Франклин предположил, что этот знак является частью системы наземного захода на посадку в городском аэропорту, расположенном в десяти милях к востоку.

Тремя минутами позже, когда он, набирая скорость, мчался по двухмильному прямому шоссе к следующему пере-

крестку, он увидел второй из гигантских знаков, маячивший перед ним в небе.

Съезжая на полосу с режимом скорости сорок миль в час, Франклин наблюдал в зеркале заднего вида, как удаляется массивная фигура второго знака. Хотя на проволочных кольцах, покрывающих решетки, не было никаких графических символов, предупреждения Хэтэуэя все еще звучали в его ушах. Сам не зная почему, он был уверен, что эти знаки не являются частью системы захода на посадку в аэропорту. Они *не могли быть* частью системы аэропорта, так как ни один из них не совпадал с какой-нибудь крупной авиалинией. Чтобы оправдать затраты на их размещение в центре скоростной автомагистрали – для установки второго знака на узком островке потребовались хитроумные сварные угловые опоры, – они каким-то образом должны были быть связаны с транспортными потоками.

В двухстах ярдах от них находился придорожный автосервис, и Франклин вспомнил, что ему нужны сигареты. Свернув на въездной пандус, он встал в очередь, пройдя мимо автомата самообслуживания в дальнем конце ряда. Автомаркет был забит машинами: вдоль каждого из пяти рядов для покупок – усталые мужчины, клюющие носами над рулевыми колонками.

«Накормив» автомат монетами – бумажные деньги вышли из обихода, их не принимали больше нигде, – Франклин купил себе блок сигарет. Это была единственная марка в про-

даже – на самом деле, всего одна толковая марка существовала в принципе, альтернативой служили непомерных размеров оптовые спайки эконом-класса. Вернувшись в салон, Франклин запихал покупку в бардачок, в компанию к еще трем аналогичным, до сих пор запечатанным блокам.

* * *

Дома Франклина встретил запах печеной рыбы, валивший из духовки. Принюхиваясь, он снял пальто и шляпу. Жена сидела в гостиной, склонившись к телевизору. Диктор диктовал ряд цифр, и Джудит записывала их в блокнот, время от времени ругаясь себе под нос.

– Какая неразбериха! – огрызнулась она. – Он говорил так быстро, что я расслышала только несколько слов.

– На то и расчет, думаю, – прокомментировал Франклин. – Это что, очередная телеигра?

Джудит чмокнула мужа в щеку, чуть не опрокинув пепельницу, полную мятых окурков и оберток от конфет.

– Привет, дорогой! Извини, не успела сделать тебе что-нибудь выпить. Тут вышло новое специальное предложение... Кто успел без ошибок переписать все озвученные в эфире цифры, может получить скидку в девяносто процентов, правда, при условии, что он проживает в определенном районе и пользуется услугами конкретных магазинов. Такая запар...

– Зато любопытно придумано. А что ты хочешь?

Джудит заглянула в свой список.

– Ну, насколько помню, единственное, что нужно, – это инфракрасный гриль для барбекю. Но мы должны успеть за ним до восьми вечера. Уже половина восьмого!

– Значит, номер не пройдет. Я совсем без сил, мой ангелочек, и голоден как волк.

Когда Джудит начала протестовать, он твердо добавил:

– Послушай, зачем нам новый инфракрасный гриль для барбекю, когда этот у нас всего два месяца? Черт возьми, это ведь даже не новая модель!

– Но, дорогой, неужели ты не понимаешь, что купить новую выгоднее? Ведь в конце года старую все равно придется продать. Мы же подписали договор на право пользования не больше года. Значит, мы выиграем на этой сделке по меньшей мере пять фунтов. Между прочим, мне эти деньги тяжело достаются – попробуй-ка весь день, не отходя от экрана, слушать эту нудную торговую рекламу.

В ее голосе послышались нотки раздражения, но Франклин стоял на своем, упорно не обращая внимания на часы:

– Допустим, мы не получим эти пять фунтов. Ну и что с того? Можем себе позволить. – Прежде чем она успела возразить, он добавил: – Джудит, умоляю... Ты же сама сказала, что не уловила на слух правильный промокод! – Пока она шла к бару, пожимая плечами, он крикнул: – Сделай покрепче! Мне кажется, что у нас на обед настоящая свежая рыба

– нужно перебить вкус.

– Рыба полезная, милый. Нельзя же все время есть готовое, полуфабрикаты. Там ведь и белков недосчитаешься, и витаминов. И потом, ты же сам всегда говоришь: «Мы должны, как люди в старые добрые времена, правильно питаться...»

– Я бы с удовольствием ел натуральное, не будь этих запахов как в столовке. – уставившись на темнеющий за окном горизонт, Франклин откинулся на спину в ожидании своего бокала виски.

В четверти мили от него, над крышей соседнего торгового центра, сияли пять красных огней. Время от времени, когда фары подъезжающих машин потребителей, спешащих применить услышанный по телевизору промокод, освещали фасад здания, он мог разглядеть массивную афишную панель, четко вырисовывающуюся на фоне вечернего неба.

– Джудит! – Франклин прошел на кухню и подвел ее к окну. – Вон тот билборд, сразу за супермаркетом. Когда его успели повесить?

– Не знаю. – Джудит пристально посмотрела на него. – Может, это нужды аэропорта. А почему ты интересуешься, Роберт?

Франклин уставился на огромный темный силуэт.

– Про аэропорт, наверное, все в первую очередь думают, – сказал он и осторожно вылил виски в раковину.

Припарковав машину на стоянке супермаркета в семь часов следующего утра, Франклин тщательно вывернул карманы и сложил монеты в бардачок. От утренних покупателей уже в такую рань не было прохода, и линия из тридцати турникетов-счетчиков беспрерывно щелкала. Торговый комплекс ни на секунду не прекращал работу – перешел на круглосуточный режим. Основную массу визитеров составляли заручившиеся промокодами «ловцы выгоды», а также домохозяйки, заключившие контракт на крупные закупки продуктов питания, бытовой техники и одежды в условиях существенного общего снижения цен. Они были вынуждены целый день ездить из супермаркета в супермаркет в отчаянном стремлении не отставать от графика потребления, борясь с дополнительными стимулами, введенными для поддержания общей схемы на плаву.

Многие женщины объединились в своеобразные «потребительские банды» – Франклин, идя ко входу, слышал и видел, как они складывают покупки в машины, распихивают платежные квитанции по карманам и задорно перекликаются. Спустя минуту их машины дружно снялись с мест и стройным рядом двинулись к следующему торговому центру.

На большой неоновой вывеске над входом была указана последняя скидка – всего лишь пять процентов, – рассчитанная в зависимости от объема оборота. Самые высокие скидки, не так уж редко доходившие до двадцати пяти процентов,

предоставлялись в жилых комплексах, где проживали служащие низшего класса. Там траты обладали мощным социальным стимулом, а желание прослыть самым расточительным в округе морально подкреплялось перечислением всех имен и сумм, выплаченных в кассу наличными, на огромном светодиодном табло в фойе супермаркета. Чем больше тратит гражданин, тем больше его вклад в скидки, предоставляемые другим; те, кто тратит меньше всех, по всеобщему убеждению, наглые нахлебники, жирующие за чужой счет.

К счастью, в районе Франклина подобная система еще не была внедрена – не потому, что мужчины-профессионалы и их жены могли проявлять больше осмотрительности, а в силу того, что их более высокие доходы позволяли им заключать контракты на более выгодные дискаунты в престижных универмагах города.

В десяти ярдах от входа Франклин остановился, глядя на огромную стальную машину, установленную за ограждением на краю автостоянки. В отличие от других билбордов и щитов, находившихся повсюду, ничто не украшало и не маскировало этот неудобный прямоугольник из стальной сетки с заклепками, навевающий нечто вроде мегалофобии. С его краев паутиной спадали высоковольтные кабели. Бетонную поверхность автостоянки пересекал длинный шрам в том месте, где был проложен распределитель.

Франклин зашагал дальше. В пятидесяти футах от билборда он остановился и обернулся, осознав, что опаздывает

в больницу и что ему нужна новая пачка сигарет. Из трансформаторов под панелью доносилось негромкое, но мощное гудение; когда он пошел обратно к супермаркету, звук стал тише.

Подойдя к автоматам в фойе, он поискал мелочь – и тут же резко присвистнул, вспомнив, зачем так аккуратно вывернул карманы.

– Хэтэуэй! – сказал он достаточно громко, чтобы двое покупателей уставились на него. Не желая смотреть прямо на билборд, он наблюдал за его отражением в стеклянной двери, чтобы любое подсознательное сообщение, транслируемое с него, не смогло найти адресата.

Почти наверняка он получил сразу два четких сигнала: «Держись подальше» и «Купи сигареты». Гости, обычно парковавшиеся по периметру стоянки, избегали зоны у ограждения билборда – транспорт формировал полукруг в пятидесяти футах от него.

Франклин повернулся к уборщику, мывшему пол в вестибюле.

– Послушайте, для чего нужен этот экран?

Мужчина оперся на швабру и беспечно взглянул на огромное сооружение.

– Понятия не имею, – признался он. – Должно быть, что-то аэропортовское.

С уголка губ у него свисала нетронутая сигарета, но он неожиданно сунул руку в карман и вытащил еще одну. Фран-

клин резко развернулся и пошел к выходу, а служащий недоуменно смотрел ему вслед, рассеянно постукивая второй сигаретой по ногтю большого пальца.

Все, кто заходил в супермаркет, покупали курево.

Спокойно двигаясь по полосе, допускавшей разгон до сорока миль в час, Франклин все более пристально оглядывал окружающий пейзаж. До сегодняшнего дня он, сидя за рулем, или думал о своем, или просто отдыхал. Теперь же он внимательно изучал все попадавшиеся на пути виды рекламы, начиная с небольших щитов над придорожными кафе. Неоновые призывы окаймляли вход и заполняли витрины. В большинстве своем они казались безобидными, и Франклин переключил внимание на большие рекламные билборды, стоящие на пересечениях скоростных автомагистралей. Многие из них были высотой с четырехэтажный дом. Огромные, лоснящиеся от сознания своего совершенства женщины в коротких домашних халатиках, чьи образы создавало светодиодное излучение, строили с них глазки и обнажали в улыбках зубки. Они сновали по идиллическим кухонькам, хлопоча по дому – и при этом не забывая принимать тщательно выверенные соблазнительные позы.

Райончики по обе стороны скоростной автомагистрали напоминали сплошные свалки, заполненные легковыми и грузовыми автомобилями, пылесосами, стиральными машинами и холодильниками. Все это прекрасно работало, но бы-

ло списано в утиль из-за экономического давления, вызванного последующими волнами скидок на новые модели. Их нетронутый хром почти не потускнел, металлические корпуса и тумбы ярко блестели на солнце. Ближе к городу рекламные щиты располагались достаточно близко друг к другу, чтобы скрыть их, но время от времени, когда Франклин замедлял ход, подъезжая к одной из эстакад, он мельком видел все эти жертвенные пирамиды из металла, поблескивающие, как золотые горы Эльдorado.

Вечером Хэтэуэй опять поймал его, когда Франклин спускался по лестнице. Они вместе быстро направились к машине.

– Что-то случилось, док? – спросил Хэтэуэй, пока Франклин открывал дверцу и с тревогой осматривал стоящие на стоянке автомобили. – За вами кто-то гонится?

Франклин мрачно рассмеялся.

– Не знаю. Надеюсь, что нет, но если все то, что ты мне рассказывал, – правда... тут волей-неволей почувствуешь себя загнанным.

Хэтэуэй со смешком запрыгнул в салон, уткнулся коленями в приборную панель.

– Значит, вы все-таки что-то увидели, доктор.

– Я пока не уверен, что именно. Но, возможно, ты не так уж и неправ. Сегодня утром в супермаркете «Фэрлонг»...

Он замолчал, с тревогой вспоминая огромный черный

билборд и то, как резко повернул обратно к супермаркету, когда приблизился к нему; затем описал Хэтэуэю случай в подробностях. Тот понимающе кивнул.

– Видал я ту конструкцию. Здоровенная, зараза, но все же не такая огромная, как те, что строят сейчас повсюду. Их возводят по всему городу. Что предпримем, доктор?

Франклин крепко сжал руль. Плохо скрываемая веселость Хэтэуэя раздражала его.

– Ничего, конечно! Черт возьми, это может быть просто самовнушение – ты, наверное, задурил мне голову свой болтовней и заставил вообразить...

При этих словах Хэтэуэй взвился:

– Не говорите глупостей, доктор! Если вы не верите собственным ощущениям, какой у вас остается шанс? Они вторгаются в ваш мозг, и, если вы не будете защищаться, они захватят его полностью! Мы должны действовать сейчас, пока нас всех не парализовало!

Франклин устало поднял руку, прерывая поток бреда.

– Минутку. Если предположить, что эти... средства внушения... размещаются повсюду – что у них за цель? Да и кому есть смысл вкладывать миллиарды в строительство этих средств? Выгода лично мне неочевидна. Некоторые ипотечные и дисконтные программы рассчитаны на полвека вперед – кому захотелось бы внести в такой-то порядок фактор хаоса?

– Вы забываете вот о чем, – сказал Хэтэуэй. – Что мог-

ло бы обеспечить дополнительную покупательную способность? Значительный рост производства. Они уже начали увеличивать продолжительность рабочего дня с двенадцати часов до четырнадцати. Там, где я живу, стоит один заводик по производству бытовой техники, воскресные трудовые смены на нем давно уже стали нормой. Можете себе представить, доктор, семидневную рабочую неделю, когда у каждого и так есть как минимум три работы?

Франклин покачал головой:

– Люди этого не потерпят.

– Они *уже* терпят. За последние двадцать пять лет валовой национальный продукт вырос на пятьдесят процентов, но вместе с ним выросло и среднее количество отработанных часов. В конечном счете мы все будем работать двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Никто не посмеет сачковать. Подумайте, чем грозит экономический спад: миллионы будут уволены, люди без свободного времени, не знающие, на что его тратить, вдруг этим самым свободным временем обзаведутся... *реальным* свободным временем, а не этим «шопинговым досугом», как сейчас говорят. Чем они займутся, когда начнут думать? – Хэтэуэй вдруг цепко схватил Франклина за плечо. – Ну что, доктор, вы присоединитесь ко мне?

Франклин стряхнул его руку. В полумиле от них, частично скрытая четырехэтажным зданием патологоанатомического отделения, виднелась верхотура одного великана-бил-

борда – на подъемниках, протянутых к его скелету, все еще можно было заметить фигурки монтажеров. Авиалинии, незримо прочерченные над городом, намеренно пролегли в стороне от больницы – так что, как нетрудно было догадаться, никакого отношения к делам аэропорта конструкция не имела.

– Разве же не существует закона о... как они это формулировали... неприкосновенности подсознательной жизни? Как профсоюзы еще не взбунтовались, Хэтэуэй?

– Страх перед экономическим спадом. Вам известны новые экономические догмы. Если объем производства не увеличится на пять процентов при устойчивой инфляции, экономика пребудет в состоянии стагнации. Десять лет назад повышение эффективности само по себе могло бы увеличить объем производства, но сейчас преимущества минимальны, и остается только одно: больше работы. Реклама, воздействующая на подсознание, послужит стимулом.

– Хэтэуэй, я уже по твоему тону слышу, что ты что-то задумал.

– Я не расскажу вам об этом, док, пока вы не запишетесь в мои соучастники.

– Ты прямо Дон Кихот. Идешь войной на ветряные мельницы. Их мечом не срубишь.

– Я даже пытаться не буду. – Хэтэуэй открыл дверцу прямо на ходу, и Франклин судорожно притормозил. – Не ждите слишком долго, чтобы принять решение, доктор. Очень мо-

жет быть, что к тому времени, как вы решитесь действовать, право выбора, – Хэтэуэй постучал пальцем себя по лбу, – перейдет от вас к кому-нибудь еще.

Помахав рукой, он ушел.

По дороге домой к Франклину вернулся скептицизм. Идея о заговоре звучала абсурдно, а экономические аргументы – вполне правдоподобно. Однако, как обычно, в мягкой приманке, подброшенной ему Хэтэуэем, скрывался крючок – работа по воскресеньям. Его собственные консультации продлились до утра воскресенья, поскольку он был назначен заводским врачом на один из автомобильных заводов, перешедших на воскресные смены. Но вместо того чтобы возмутиться этим вторжением в его и без того скудные часы досуга, он обрадовался. По одной пугающей причине: ему требовался дополнительный доход.

Глядя на ряды снующих машин, он заметил, что вдоль скоростной автомагистрали было установлено по меньшей мере с десятков огромных билбордов. Как и сказал Хэтэуэй, всюду их становилось только больше – они простирались над супермаркетами в жилых районах подобно парусам из стали.

Когда он вернулся домой, Джудит была на кухне и смотрела телевизор, подвешенный на кронштейне над плитой. Франклин обошел большую картонную коробку, загораживающую ему проход – нераспечатанную, под слоями скотча, – и поцеловал ее в щеку, пока она записывала в свой блок-

нот циферки промокодов. Приятный аромат курицы, запеченной в горшочках, – или, скорее, ее желатиновой начинки, ароматизированной и не содержащей никаких токсичных или питательных веществ, – смягчил его раздражение, вызванное тем, что она все еще продолжает охотиться за пустячной выгодой. Он постучал ногой по коробке:

– Что тут?

– Понятия не имею, дорогой. В последнее время постоянно что-то происходит, не могу за всем угнаться. – через стеклянную дверцу она посмотрела на курицу, шестикилограммового «народного» бройлера, раздутого стероидной подкормкой, транsgлютаминазой и желатиновой фаршировкой до габаритов индейки. Большую часть глянцевого поблескивающей раздутой грудки они к концу трапезы попросту выбрасывали – ни одна собака или кошка, даже и будь в их семье таковая, не стала бы это есть.

– Выглядишь встревоженным, Роберт, – заметила Джудит, переводя с бройлера на мужа многозначительный взгляд. – Неудачный день?

Франклин что-то уклончиво пробурчал. Долгие часы перед телевизором в ожесточенных поисках решения продовольственных вопросов обострили восприятие Джудит. Доктор вдруг воспылал острым сочувствием к сонму мужей, оказавшихся в таком же, как и он, невыгодном положении.

– Ты снова разговаривал с этим сумасшедшим битником?

– С Хэтэуэем? Ну да, было дело. Не такой уж он и сума-

сшедший. – он шагнул назад и споткнулся о картонную коробку, чуть не расплескав свой напиток. – Так, а это что за штука? Поскольку я буду работать следующие пятьдесят воскресений, чтобы оплатить ее, желательно узнать заранее...

Покрутив ящик, он нашел, в конце концов, товарную этикетку.

– Опять телевизор? Джудит, ну что за фокусы! У нас их и так три – в столовой, гостиной и на кухне. Куда ты думаешь втиснуть еще один?

– Не буянь, дорогой. Поставим его в комнате для гостей. Неприлично принимать гостей без телевизора, верно? Я стараюсь экономить на всем, но четыре телевизора – это необходимый минимум. Об этом пишут все журналы.

– И три радиоприемника, да? – Франклин с ненавистью взглянул на коробку. – Послушай, Джудит, гости обычно приходят пообщаться, а не посмотреть телевизор. Весь этот скарб нам не бесплатно достается – он не такой уж и дешевый. Так или иначе, телевидение – пустая трата времени. Распылять одну и ту же программу на четыре экрана? Бога ради, зачем?

– Роберт! Вообще-то есть целых четыре канала!

– Да, и единственное различие в сетке их вещания – рекламные ролики!

Прежде чем жена смогла возразить, Франклин снял трубку звонившего телефона. В ней тут же кто-то дико зататорил – поначалу доктор даже решил, что это новый ре-

кламный трюк. Только потом он понял, что звонит Хэтэуэй, и у бедняги явно что-то вроде нервного срыва.

– Хэтэуэй! – рявкнул в трубку Франклин. – Спокойнее, прошу! В чем дело?

– Доктор, на этот раз вам придется мне поверить! Я проник к подножию одной из этих штук со стробоскопом. Оказывается, там, на этих щитках, сотни импульсных ламп. Лупят световыми вспышками прямо людям в лица – так быстро, что те даже и не видят ничего. Это фантастика! Следующее рекламное внушение застолблено под автомобили и телевизоры – они пытаются сократить эксплуатационные сроки до двух месяцев! Можете себе это представить, док, одна шестая года – и нужна новая машина! Господи, да это просто...

Франклин с нетерпением ожидал, когда уже начнется пятисекундная рекламная пауза. Все телефонные звонки были бесплатными, но продолжительность рекламного аудиоролика увеличивалась в зависимости от диапазона – так, при междугородних звонках соотношение рекламы и разговора достигало 10:1, и участники отчаянно пытались вставить хоть словечко в перерывах между бесконечными прерываниями. Но незадолго до того, как в излияния Хэтэуэя вклинилась перебивка, он вдруг сам резко положил трубку, а затем и вовсе снял ее с рычага.

Джудит подошла и взяла его за руку.

– Роберт, в чем дело? Ты выглядишь ужасно напряжен-

НЫМ.

Франклин взял свой бокал и прошел в гостиную.

– Это всего лишь Хэтэуэй. Как ты правильно заметила, я начинаю слишком увлекаться им. Этот тип отнимает львиную долю моего мыслительного ресурса.

Он посмотрел на темный контур билборда над супермаркетом, на красные предупреждающие огни, горящие в ночном небе. Он ничего не показывал – пустой, не несущий никакой информации... или передаваемые им сведения были просто-напросто надежно зашифрованы, как имплицитная память безумца? *Обезличенность* – вот что пугало в этой конструкции больше всего; с тем же успехом это мог быть не билборд, а космический корабль непознаваемой инопланетной расы.

Даже не похожий на корабль. Не похожий *ни на что*.

– И все же я не уверен, – пробормотал Франклин. – Многое из того, что говорит Хэтэуэй, имеет смысл. Эти методы воздействия на подсознание – своего рода последняя попытка взять верх, какую вполне можно ожидать от сверхкапитализированной промышленной системы...

Он подождал, пока Джудит ответит, затем поднял на нее глаза. Она стояла в центре ковра, безвольно сложив руки на груди, и ее острое, умное лицо казалось непривычно бесстрастным. Он проследил за ее взглядом, устремленным на крыши, затем с усилием повернул голову и быстро включил телевизор.

– Эй, – мрачно окликнул он, – садись, будем смотреть телевизор. Боже, кажется, нам все-таки понадобится этот четвертый...

Неделю спустя Франклин решил составлять опись.

Он больше не видел Хэтэуэя. Вечером, когда доктор покинул больницу, знакомая неряшливая фигура отсутствовала в поле зрения. Потом он услышал какие-то странные домыслы, а затем и прочел в газетах о таинственных диверсиях в районах строительства новых билбордов. Вскоре в газетах появились туманные сообщения о том, что взрывчатку разместили сами рабочие, которые эти билборды строили. Тем не менее новые прямоугольные контуры возносились над морем городских крыш. Они вырастали на бетонных островах, огороженных стальными заборами с мелкой сеткой, в районе всех крупных торговых центров.

Расстояние между домом Франклина и больницей составляло десять миль, и уже больше тридцати щитов попадалось на его пути, как будто загадочный великан поставил на ребра кости своего исполинского домино. Франклин старался избегать их взглядом; его терзала догадка, что это Хэтэуэй каким-то образом надоумил тех рабочих-взрывников ввязаться в противостояние с капиталистической машиной.

Как-то вечером, после выпуска новостей, доктор задумал разобраться в своих с Джудит тратах за последнюю половину месяца. Он составил длинную опись.

Автомобиль (предыдущая модель – 2 месяца);
2 телевизора (4 месяца);
триммер (7 месяцев);
электроплита (5 месяцев);
фен (4 месяца);
холодильник (3 месяца);
2 радиоприемника (7 месяцев);
аудиосистема (5 месяцев);
коктейль-бар (8 месяцев).

Половину этих вещей купил он сам, а когда именно – никак не мог вспомнить. Машину, например, он загнал на станцию техобслуживания неподалеку от больницы, чтобы пройти там дежурный профилактический осмотр, а вечером того же дня купил новую. Он сделал покупку, не успев сесть за руль, – уступив уговорам механика, что выгоднее продать старую модель, чем оплачивать ее профилактику. Лишь через десять минут он сообразил, что ему «толкнули» эту новую марку. Аналогичным образом телевизоры были заменены на идентичные новые модели после появления на экранах раздражающей интерференционной картины. Любопытно, что на новых телевизорах также наблюдалась эта картина, но, как заверил их продавец, всего два дня – и она «рассосется» сама собой. Ни разу Франклин по собственной воле не решил, что ему что-то нужно, – но при этом все равно шел в магазин и делал покупку.

Он постоянно носил с собой опись, дополняя ее по мере

необходимости, спокойно и без возражений анализируя эти новые методы продаж и задаваясь вопросом, может ли капитуляция быть единственным путем к победе. До тех пор, пока он будет оказывать хотя бы символическое сопротивление, кривая инфляции будет демонстрировать контролируемый десятипроцентный рост ежегодно. Однако, если даже это мизерное сопротивление устранить, инфляция с прытью ракеты взмоет ввысь, и ничто ее не остановит...

Два месяца спустя Франклин, возвращаясь домой из больницы, впервые воочию узрел, чем это может обернуться.

Он ехал по полосе со скоростью сорок миль в час, не в силах угнаться за потоком новых машин, и только что проехал второй из трех перекрестков, когда движение в полумиле от него начало замедляться. Сотни машин подъехали к заросшей травой обочине, и вокруг одного из билбордов собралась целая толпа. Две маленькие черные фигурки проворно карабкались по металлическому щиту, и в сумерках на нем вспыхивали и гасли световые узоры с решетчатым рисунком. Узоры выходили дергаными и ломаными, как будто билборд тестировался в самый первый раз.

Испытав облегчение от того, что подозрения Хэтэуэя оказались беспочвенными, Франклин свернул на мягкую обочину, а затем прошел вперед сквозь толпу зрителей. Свет фонарей упал им на лица. Внизу, за стальными ограждениями, окружавшими бетонный островок, выстроился целый отряд

полицейской. Вытягивая шею, они смотрели на людей, штурмовавших билборд в сотне футов над их головами.

Внезапно Франклин остановился, и чувство облегчения вмиг испарилось. Полицейские, находившиеся на земле, вооружились дробовиками, а у двух спецназовцев, взбирающихся на стальной щит, за плечами висели автоматы. Они настигали третью фигуру, проводившую некие манипуляции у распределительного короба на предпоследнем ярусе конструкции. Проектор, направленный с земли, обнаружил ее: смутяном оказался бородатый мужчина в грязной рубашке и джинсах с дырками в районе колен...

Хэтэуэй!

Франклин поспешил к островку. Билборд шипел и трещал – похоже, предохранители в нем перегорали целыми контурами. Но мерцание прояснилось и выровнялось – и теперь огни вспыхнули ровным светом; толпа дружно подняла глаза на ряды ярких букв. И сами фразы, и все возможные их сочетания были ему хорошо знакомы – и Франклин понял, что читал их уже несколько недель, проезжая взад и вперед по скоростному шоссе:

КУПИ СЕЙЧАС КУПИ СЕЙЧАС КУПИ СЕЙЧАС
НОВУЮ МАШИНУ НОВУЮ МАШИНУ
КУПИ ПРЯМО СЕЙЧАС
ДА ДА ДА ДА ДА ДА ДА ДА

Завывая сиренами, два патрульных экипажа выкатились на обочину и протиснулись через толпу по мокрой траве. По-

лицейские высыпали наружу с дубинками в руках и быстро начали оттеснять зевак. Франклин не сдвинулся с места, когда они приблизились, крича:

– Офицер! Офицер, я знаю этого человека! Дайте мне...

Но полицейский ударил его в грудь раскрытой ладонью. Задыхаясь, Франклин попятился к машинам, беспомощно навалился на бампер. Стражи порядка принялись резво громить лобовые стекла дубинками. Незадачливые водители гневно протестовали; те, кто стоял дальше, бросились к своим стальным коням.

Шум стих, когда один из автоматов дал короткую ревущую очередь, – а затем усилился, когда Хэтэуэй, раскинув руки, издал крик триумфа и боли... и прыгнул.

– Но, Роберт, какое это на самом деле имеет значение? – спросила Джудит, когда застала Франклина на следующее утро абсолютно сокрушенным в гостинной. – Я знаю, это трагедия для его жены и дочери, но Хэтэуэй был во власти навязчивой идеи. Если он так уж ненавидел рекламные билборды – почему не взорвал те, где хоть какая-то информация видна? Смысл так беспокоиться о тех, где почти никогда ничего не видно?

Франклин уставился на экран телевизора, надеясь, что программа отвлечет его.

– Хэтэуэй был *прав*, – сказал он.

– Был ли? Реклама не может развиваться дальше. У нас

так и так нет выбора, ведь мы не можем тратить больше, чем зарабатываем. Скоро вся эта финансовая махинация накроется.

– Ты так думаешь? – Франклин подошел к окну. В четверти мили впереди, на территории какого-то поместья, устанавливался еще один билборд. Он находился прямо к востоку от них, и в лучах раннего утра тени от его прямоугольной надстройки накрывали сад – доходя почти до основания французских окон, ложась к его ногам. В качестве уступки соседству и, возможно, для того чтобы развеять любые подозрения, вызванные мелочным снобизмом, нижние секции конструкции были обшиты панелями с узором, имитирующим тюдоровский стиль.

Франклин уставился на нее, пересчитывая с полдюжины полицейских, бездельничавших у своих патрульных машин, пока бригада строителей выгружала из грузовика секции решетки. Он посмотрел на вывеску супермаркета, пытаясь отогнать воспоминания о Хэтэуэ и о жалких попытках этого человека убедить в чем-то Франклина, заручиться его помощью.

Он все еще стоял там час спустя, когда вошла Джудит, надевая шляпу и пальто, готовая отправиться в супермаркет. Франклин проводил ее до двери.

– Я отвезу тебя, Джудит. Оставлю в салоне заказ на новую машину – новые модели поступят в продажу в конце месяца. Если повезет, нам достанется экземпляр из первой партии.

Они вышли на аккуратную подъездную аллею. Тени от билбордов, отбрасываемые днем на тихий райончик, нависали над головами людей, спешивших в супермаркет, словно лезвия огромных кос.

1961

The Subliminal Man. Первая публикация в журнале New Worlds, январь 1963.

Садок для рептилий

Перевод Г. Шокина

– Они напоминают мне гадаринских свиней², – объявила Милдред Пелхэм.

Прервав осмотр битком набитого пляжа, подступавшего к террасе кафетерия, Роджер Пелхэм взглянул на жену.

– Почему ты так говоришь?

Какое-то время Милдред продолжала читать, потом отложила книгу.

– Ну а разве нет? – риторически спросила она. – Они похожи на свиней.

Пелхэм едва улыбнулся при этом слабом, но характерном проявлении мизантропии. Он внимательно посмотрел на свои белые коленки, торчавшие из шортов, на полные руки и плечи жены.

– Все мы немножечко гадаринские свиньи, – уклончиво согласился он.

Вряд ли кто-нибудь мог слышать слова Милдред и обидеться на них. Они сидели за столиком в самом углу, спиной

² Согласно Евангелию, к Христу, прибывшему в землю Гадаринскую, обратился одержимый бесами мужчина («гадаринский бесноватый») с просьбой об избавлении; бесы же попросили у Христа позволить им вселиться в свиней, что паслись неподалеку. Как только просьба была исполнена, стадо ринулось в море с горы.

к сидевшим впритык друг к другу сотням посетителей, поглощавших на террасе мороженое и кока-колу. Глухой говор голосов заглушали бесконечные репортажи из транзисторных приемников, пристроенных между бутылок, и доносившиеся из-за дюн далекие звуки с площадки аттракционов.

Чуть ниже террасы был расположен пляж, усеянный множеством расprostертых фигур и тянувшийся от самой воды до шоссе, проходившего позади кафетерия, исчезая дальше за дюнами. Не видно было ни песчинки. Даже у кромки воды, в этот час затишья между приливом и отливом еле-еле плескавшейся, баюкавшей пачки из-под сигарет и иной мусор, на самом краю пляжа, толкалась, взметая серый песок, толпа ребятишек.

Снова глядя на пляж, Пелхэм понял, что недобрые слова жены бьют в самую цель. Повсюду в воздухе торчали голые ляжки и плечи; на песке раскинулись чьи-то руки и ноги. Несмотря на солнце и довольно длительное пребывание на пляже, кожа у многих неофитов по-прежнему оставалась белой, в лучшем случае – ярко-розовой, словно ошпаренная. Вся эта куча плоти ерзала по песку в бесплодных попытках найти идеальное положение.

Глянув вдоль пляжа, простиравшегося до далекого мыса, Пелхэм, как наяву, увидел в воздухе зловонное марево, поддерживаемое снизу звуковой волной гомона десяти тысяч транзисторов. В другой ситуации вид теснящейся и толкающейся чрезмерно оголенной людской массы, отдающей

отвратительным амбре застарелого крема для загара и пота, заставил бы его тотчас повернуть прочь и удалиться по первой же ведущей от моря дороге на скорости в сто километров в час. Но на сей раз обычная неприязнь Пелхэма к массовости почему-то улетучилась. В присутствии такого множества людей – он уже подсчитал, что на отрезке пляжа протяженностью в пять миль он может видеть более пятидесяти тысяч человек, – Пелхэм испытывал странное оживление и не хотел покинуть террасу, хотя было уже три часа, и ни он, ни Милдред ничего не ели с самого завтрака. Стоит только встать, и назад этих мест в уголке ни за что не получишь.

«Поешь мороженого на пляже Эхо...» – вообразил он рекламный слоган и поиграл стоявшим перед ним пустым стаканом. К его стенкам пристали волокна апельсиновой мякоти, интересовавшие лениво кружащую над ними муху. Море было гладкое и спокойное, как непрозрачное серое зеркало, но в миле от берега, словно пар над ушатом, низко, у самой воды, висел туман.

– У тебя разгоряченный вид, Роджер. Может, сходишь искупаться?

– Можно. Знаешь, странная вещь. Из всех людей на пляже никто не купается.

Со скучающим видом Милдред кивнула. Крупная, инертная женщина, она, по-видимому, была бы вполне довольна просто посидеть на солнышке и почитать книжку. Однако она-то и предложила поехать на пляж и в качестве исклю-

чения удержалась от обычного ворчания, когда они попали в первую большую пробку и были вынуждены покинуть машину и пройти две оставшихся мили пешком. Пелхэм десять лет не видел, чтобы она так ходила.

– Странно, – сказала она. – Но сегодня не особенно и жарко.

– Не думаю. – он собирался было продолжить, но внезапно вскочил и через парапет террасы стал всматриваться в пляж. Посередине его, параллельно набережной, по стихийно образовавшемуся проходу бесконечной цепью двигались люди, протискиваясь мимо друг друга с бутылками кока-колы, лосьоном и мороженым.

– В чем дело, Роджер?

– Да, ничего... Мне почудилось, будто я увидел Шеррингтона.

Пелхэм осматривал пляж, не обнаруживая там больше никого похожего.

– Вечно тебе мерещится Шеррингтон. Только сегодня это уже четвертый раз. Перестань волноваться.

– Я и не волнуюсь. Не уверен, конечно, но мне показалось, что в тот момент я видел Шеррингтона.

Неохотно Пелхэм снова сел, понемножку пододвигая стул к парапету. Несмотря на то, что он пребывал в состоянии вялости и праздной скуки, неопределенное, однако вполне отчетливое ощущение беспокойства владело им весь день. Каким-то образом оно было связано с пребыванием Шерринг-

тона на пляже, и эта тревога постепенно возрастала. Вероятность того, что Шеррингтон, его коллега в университете по факультету физиологии, действительно выбрал эту часть пляжа, была ничтожна. Пелхэм не понимал, почему, собственно, был убежден, что Шеррингтон тут. Возможно, эти обманчивые видения – тем более невероятные ввиду черной бороды, сурового, с высоким лбом лица и сутулой, при длинных ногах, фигуры Шеррингтона – были попросту продолжением внутреннего напряжения и его странной зависимости от коллеги.

Ощущение беспокойства было свойственно не одному Пелхэму. Хотя Милдред и не поддавалась ему, большинство людей на пляже, как видно, разделяло настроения Пелхэма. С течением времени безликий общий гомон уступил место обрывкам вдруг завязывавшихся отдельных разговоров. Временами гул вообще прекращался, и огромная толпа, словно несметное сборище фанатов, ожидающих начала какого-то надолго задержанного концерта, привстав, садилась, нетерпеливо ерзая на месте. Пелхэму, со своего поста ведущему чуткий надзор за пляжем, сигналом таких приливов беспокойной активности, когда все люди огромным, во всю длину пляжа валом подавались вперед, служил металлический блеск тысяч портативных приемников. Извиваясь и сверкая, блеск напоминал ему волну на экране осциллографа. Каждый раз во время очередного «приступа», повторявшегося примерно с промежутком в полчаса, толпа, казалось,

пододвигалась чуточку ближе к морю.

Прямо у бетонного основания террасы среди массы развалившихся на песке фигур расположилось большое семейство, устроив себе нечто вроде отдельного загона. В одном его конце, буквально рукой подать от Пелхэма, вырыли себе гнездо юные отпрыски, их распростертые угловатые тела в мокрых коротеньких купальниках переплелись друг с другом и высывались из этого клубка наподобие какого-то странного кольчатого животного. Через бесконечный шум, долетавший с пляжа и от аттракционных площадок, и сквозь бессмысленную болтовню соседей до Пелхэма доносились обрывки радиорепортажа по хрипучему транзисторному приемнику, то и дело соскакивавшему с пойманной волны.

– Вот-вот запустят новый спутник, – сказал он. – «Эхо XXII».

– И чего стараются? – Равнодушные голубые глаза Милдред разглядывали марево вдаль над морем. – По-моему, их и так более чем достаточно.

– Ну...

Пелхэм замолчал, не решаясь расценивать скупую реплику жены как приглашение к разговору. Хотя она была замужем за преподавателем Школы физиологии, ее интерес к научным материям сводился почти что к огульному осуждению всей этой сферы. К его работе в университете она относилась с мучительной для него терпимостью, презирая

его пребывавший в вечном беспорядке кабинет, студенто-влодранцев и старое лабораторное оборудование. Пелхэму так и не удалось выяснить, какую профессию она уважала. До женитьбы, как он понял впоследствии, она хранила вежливое молчание относительно его деятельности, и за одиннадцать лет супружества отношение это вряд ли изменилось, хотя трудности существования на его скудное жалование побудили ее заинтересоваться тонкой, сложной и бесконечно утомительной игрой «тише едешь – дальше будешь» в области служебных продвижений.

Как и следовало ожидать, ее ядовитый язычок привлек на их сторону мало друзей, но – любопытный парадокс – Пелхэм чувствовал, что ему шло на пользу неприязненное уважение, завоеванное супругой. Порой ее язвительные замечания, высказанные на каком-нибудь чересчур затянувшемся приеме неизменно громким голосом, во время паузы в разговоре восхищали Пелхэма своей ядовитой точностью. Например, как-то раз она назвала престарелого предводителя факультета физиологии, увлекавшегося идеями большевизма, «пародией Ленингхауза» в присутствии находившейся от нее не далее чем в пяти шагах жены профессора. Но вообще-то в ее непоколебимом отсутствии сострадания к остальной части рода человеческого было что-то пугающее. Круглое, равнодушное лицо с церемонно поджатыми, похожими на бутон розы губами напомнило Пелхэму одно шуточное описание Моны Лизы, где утверждалось, будто у нее «вид

женщины, съевшей на обед собственного мужа».

Милдред, однако, даже не улыбалась.

– У Шеррингтона довольно занятная теория относительно спутников, – сказал Пелхэм. – Я надеялся, что, может, мы его встретим и он снова объяснит ее тебе. Думаю, тебе будет любопытно послушать. В настоящий момент он исследует ВИП...

– ВИП-персон?

Сидевшая позади них компания включила приемник погромче, и у них над головой загремел репортаж с мыса Кеннеди с последним перед стартом отсчетом времени.

– ВИП, – пояснил Пелхэм, – это «врожденные иницирующие протоколы». Я уже тебе о них рассказывал. Это рефлексы, передаваемые по наследству...

Он осекся, робко таращась на Милдред. Та перевела на него отсутствующий взгляд, прежде обращенный к остальной публике на пляже.

– Милдред, – с недовольством бросил Пелхэм. – Я же пытаюсь объяснить теорию Шеррингтона о спутниках...

Милдред невозмутимо покачала головой.

– Роджер, здесь так гудят, что я все равно ничего не могу слушать. А тем более теории Шеррингтона.

Почти незаметно по пляжу прокатилась новая волна беспокойства и активности. Возможно, в ответ на кульминацию счета в репортажах с далекого мыса Кеннеди люди, привстав, садились и отряхивали песок со спин друг друга. Пелхэм

наблюдал, как заплясали солнечные зайчики, отражаясь от хромированных транзисторов и зеркальных стекол солнцезащитных очков, когда взволновался и пришел в движение весь пляж. Гул заметно стих, и сквозь него яснее слышался звук музыки на площадке аттракционов. Повсюду происходило одно и то же исполненное ожидания копошение. Пляж представлялся Пелхэму, взиравшему на него полуприкрытыми от ослепительного света глазами, огромной ямой, кишевшей белыми змеями.

Где-то раздался громкий женский крик. Пелхэм, сидя, подался вперед, вглядываясь в ряды скрытых под темными очками лиц. В воздухе стояло резкое напряжение, неприятное, почти зловещее ощущение неистовой энергии, бурлящей под оболочкой спокойствия и порядка.

Постепенно, однако, активность спала. Огромная толпа успокоилась и вновь растянулась на песке. Маслянистая вода лизала неподвижные ступни людей, лежавших у кромки. Над пляжем пролетел легкий ветерок, вызванный волнением в открытом море, разнося сладковатый запах пота и лосьона для загара. Пелхэм отвернулся, почувствовав, как ему сводит горло от приступа дурноты. Вне всякого сомнения, homo sapiens в массе, размышлял он, представляет собой более отвратительное зрелище, чем чуть ли не все остальные виды животных. Загон с лошадьми или молодыми быками производит впечатление могучей нервной грации, тогда как это скопище коленчатой, бесцветной, как у альбиносов, распро-

стертой на песке плоти напоминает большую фантазию художника-сюрреалиста на анатомические темы. Что привело сюда всех этих людей? Прогноз погоды на утро был не очень благоприятен. Большинство сообщений было посвящено известиям о предстоящем запуске спутника, последнего звена всемирной системы связи, которая обеспечит каждый квадратный фут земной поверхности качественной телевизионной связью с одним из десятка спутников, выведенных на орбиту. Очевидно, окончательное и бесповоротное сведение этого воздушного моста побудило всех отправиться на ближайший пляж и в знак покорности свершить там символический акт самообнажения.

Пелхэм беспокожно заерзал на стуле, неожиданно ощутив, как впивается в локти ребро металлической столешницы. Сидеть на сбитом из узких планок дешевом стуле было неудобно и больно, словно его тело было втиснуто в железный футляр с шипами и зажимами. Странное предчувствие чего-то ужасного опять шевельнулось в его душе, и он посмотрел на небо, почти ожидая увидеть самолет, терпящий крушение аккурат над всей этой собравшейся многоликой толпой.

– Удивительно, каким популярным может сделаться загорание на пляже, – сказал он. – Перед Второй мировой войной это превратилось в Австралии в серьезную проблему.

Оторвавшись от книги, Милдред, мигая, подняла глаза.

– Им, наверное, больше нечего было делать.

– В том-то и дело. Пока люди готовы проводить все время, растянувшись на пляже, мало надежды создать другие виды отдыха. Загорать антиобщественно, ибо это абсолютно пассивное времяпрепровождение. – он понизил голос, заметив, что сидевшие вокруг них люди оглядываются через плечо и, наострив уши, прислушиваются к его чеканной речи. – С другой стороны, оно, конечно, сближает людей. Воистину коммунистическое, если подумать, действо. В голом, ну или в полуголом виде принцессу и в самом деле не отличишь от нищенки...

– Вот даже так?

Пелхэм передернул плечами.

– Ну да. Но, по-моему, гораздо интереснее психологический аспект пляжа. Особо важна полоса прилива, промежуточная область, одновременно и принадлежащая морю, и находящаяся выше его, извечно наполовину погруженная в неизвестность времени. Если принять море за воплощение подсознания, тогда стремление на пляж можно рассмотреть как попытку к бегству от экзистенциальной роли в повседневной жизни и возвращению в извечное время-море...

– Роджер, помилуй. – Милдред устало отвела взгляд в сторону. – Ты говоришь сейчас совсем как Чарльз Шеррингтон.

Пелхэм снова уставился на море, пока радиокomentатор сообщал местоположение и скорость удачно запущенного спутника, рапортовал о его пути вокруг земного шара. От нечего делать Пелхэм подсчитал, что спутник долетит сю-

да минут через пятнадцать, примерно в полчетвертого. Его, разумеется, не будет видно с пляжа, хотя последние работы Шеррингтона по восприятию инфракрасных лучей позволяли предположить, что часть насылаемого солнцем коротковолнового излучения неосознанно воспринимается сетчаткой глаза. Думая о том, какие перспективы открывает это перед политиками и рекламщиками, Пелхэм слушал стоявшее внизу на песке радио. Вдруг к приемнику протянулась длинная белая рука и выключила его. Владелица руки, полненькая девушка с белой кожей и лицом безмятежной Мадонны, чьи круглые щеки обрамляли кудряшки черных волос, перекатилась на спину, отстраняясь от своих приятелей, и с минутой они с Пелхэмом смотрели друг другу в глаза. Нарочно выключила, решил он, чтобы он не смог услышать репортаж, но потом сообразил, что на самом деле девушка слушала его и надеялась, что он возобновит свой монолог.

Польщенный, Пелхэм рассматривал круглое, серьезное личико девушки, ее вполне сложившуюся, но еще немного детскую фигурку, расprostертую на песке чуть ли не в такой же близости от него и в таком же обнаженном виде, в каком она могла быть, находясь в одной с ним постели. Ее откровенное, юношеское, притом странно снисходительное выражение ничуть не изменилось, и Пелхэм отвернулся, не желая признавать его смысла, с болью осознав вдруг всю глубину своего смирения перед Милдред и существование теперь уже непреодолимой изоляции, исключавшей из его жизни

всякую возможность испытать что-то новое, настоящее. За десять лет тысячи принимавшихся ежедневно компромиссов и предосторожностей ради того, чтобы их жизнь была сносной, выделяли свои дурманящие, обезболивающие соки, и все, что осталось от его личности со всеми ее возможностями, было заспиртовано, как образец в банке. Некогда он презирал бы себя за такое пассивное подчинение обстоятельствам, но сейчас ему была недоступна любая реальная самооценка, ибо не существовало больше никаких критериев, по каким он мог бы оценить себя. В самом деле, его положение отличалось большей глубиной грехопадения, чем у этого вульгарного глупого стада, окружавшего его.

– Там что-то в воде, – Милдред махнула рукой вдоль пляжа.

Пелхэм посмотрел в ту сторону, куда указывала ее поднятая рука. В двухстах ярдах от них у кромки волн собралась небольшая толпа; буруны лениво плескались у их ног, пока люди наблюдали за чем-то на мелководье. Многие для защиты от солнца подняли над головой газеты. Пожилые женщины стояли, зажав юбки между колен.

– Ничего не могу разобрать, – Пелхэм почесал подбородок; его внимание отвлек человек с бородой, стоявший выше его на краю набережной, – лицо не Шеррингтона, однако удивительно похожее. – Как будто ничего опасного. Может, выбросило на берег необыкновенную морскую рыбу.

На террасе и пляже все ожидали чего-то, в предвкушении

вытянув головы вперед. Чтобы уловить любые звуки от стоявшей в отдалении группы, они приглушили транзисторы, и по пляжу, подобно громадной черной туче, застилающей солнце, волной пробежало молчание. Почти полное отсутствие всякого шума и движения после стольких часов надоедливой возни казалось странным и жутким, придавая тысячам смотрящих на море людей вид сосредоточенно ушедших в себя.

Стоявшая у воды группа не двигалась с места, даже ребятишки невозмутимо разглядывали то, что привлекло внимание родителей. Впервые за все время обнажилась узкая полоска пляжа: беспорядочно брошенные там, наполовину засыпанные песком транзисторы и пляжные принадлежности напоминали свалку металлолома. Постепенно пустоты заполнялись вновь прибывшими с набережной, однако маневр этот не привлек внимания застывшей у воды группы. Пелхэму они показались похожими на семейство кающихся пилигримов, которые, совершив длинный путь, стояли теперь у священных вод, кротко дожидаясь, пока животворные силы сотворят чудо.

– Что же там происходит? – спросил Пелхэм через несколько минут. Группа у воды по-прежнему не проявляла ни малейшего признака движения. Он заметил, что, следуя линии берега, они выстроились не полукругом, а по прямой. – Они вообще ни на что не смотрят.

Марево находилось теперь над морем всего в пятистах яр-

дах, закрывая контуры громадных валов. Абсолютно непро- ницаемая вода походила на горячую нефть, набегавшие вре- мя от времени на берег небольшие волны лениво уходи- ли в песок, смешанный с мусором и пачками из-под сига- рет, оставляя после себя маслянистые пузыри. Пиная таким образом берег, море походило на поднявшееся из глубин огромное морское животное, слепо пытающееся ухватиться за песок.

– Милдред, я на минутку схожу к воде. – Пелхэм встал. – Там что-то чудное. – он запнулся и показал на пляж по дру- гую сторону террасы. – Погляди – еще группа. Что же это?..

И снова, не отрывая взгляда от моря, в семидесяти пя- ти ярдах от террасы у самой воды выстроилась вторая груп- па. Всего на пляже собралось уже человек двести. В полном молчании они смотрели на море прямо перед собой. Пелхэм заметил, что нервно хрустит костяшками пальцев. Обеими руками он ухватился за парапет террасы, чтобы удержаться и не пойти туда. Его останавливала лишь толчая на пляже.

На этот раз интерес толпы через несколько минут иссяк, и глухой гул голосов снова воцарился над всем и вся.

– Бог знает, что они там делают. – Милдред повернулась к группе спиной. – Вон еще одни. Наверное, ждут чего-то.

И действительно, у кромки воды выросло уже с полдю- жины таких групп, стоявших почти на одинаковом – в сот- ню ярдов – расстоянии друг от друга. Пелхэм внимательно всматривался в дальний конец бухты, стараясь отыскать ка-

кие-нибудь признаки моторной лодки. Он поглядел на часы. Было почти три тридцать.

– Не может быть, чтобы они чего-нибудь ждали, – сказал он, пытаясь скрыть, что нервничает. Под столом его ноги беспокойно отбивали чечетку, упираясь в засыпанный песком цемент. – Единственное, чего можно ждать, – это спутник, но его все равно никто не увидит. Очевидно, что-то в воде. – при упоминании о спутнике он снова вспомнил Шеррингтона. – Милдред, ты не думаешь...

Прежде, чем он успел продолжить, сзади под странным углом, словно собираясь протиснуться к парапету, встал мужчина, вонзив в спину Пелхэма острое ребро своего стула. Пока тот пытался привести его в равновесие, Пелхэма окутал едкий запах пота и прокисшего пива. Он увидел уставившийся в одну точку остекленевший взгляд мужчины, шершавый небритый подбородок и открытый, подобно жерлу орудия, рот; все это с какой-то импульсивной жадностью было обращено к морю.

– Спутник!

Высвободившись, Пелхэм извернулся и посмотрел на небо. Оно было бледнолубое и равнодушное, без единого самолета или птицы, хотя нынче утром чайки попадались в двадцати милях от берега, словно в предчувствии шторма. Яркий свет резал глаза, и неясные светящиеся точки взмыли и судорожно заплясали по кругу на фоне неба. Однако одна из них, появившаяся, по-видимому, на западном горизонте,

непрерывно двигалась вперед по краю его поля зрения, тусклым пятнышком приближаясь к нему.

Вокруг них поднимались люди – по полу заскрежетали передвигаемые стулья. С одного столика свалились несколько бутылок и разбились на цементном полу.

– Милдред!

Под ними в огромной, беспорядочной, простиравшейся, насколько хватало глаз, свалке люди медленно поднимались на ноги. Неясный шепот сменился более настойчивым и жестким звуком, эхом отдававшимся над головой с обоих концов пляжа. Казалось, весь пляж задергался и судорожно зашевелился. Лишь фигуры людей у воды оставались недвижны. Теперь они образовали вдоль берега сплошной заслон, закрыв собой море. К ним все время подходили новые и новые, и в отдельных местах друг другу в затылок стояло до десяти человек.

На террасе все тоже теперь стояли. Теснимые прибывающими, толпы людей с пляжа подавались вперед. Располагавшееся под ними семейство футов на двадцать отодвинулось к морю.

– Милдред, ты нигде не видишь Шеррингтона? – Удостоверившись по ее часам, что было ровно три тридцать, Пелхэм потянул ее за плечо, стараясь привлечь ее внимание. Жена посмотрела на него оледеневшим взглядом, с гримасой полного непонимания. – Милдред! Нужно выбраться отсюда! Шеррингтон убежден, – хрипло прокричал он, – что мы

можем видеть какую-то часть инфракрасных лучей, исходящих от спутника, и лучи эти могут сложиться в такую систему, что активирует ВИПы, эти врожденные иницирующие протоколы! Паттерны, заложенные миллионы лет назад, когда вокруг Земли летали *другие космические корабли*. Милдред!..

Неведомая сила подняла их так, будто они превратились в беспомощные манекены, и притиснула к ограде кафетерия. Огромная толпа текла вниз, к воде, и весь пятимильный склон затопил людской поток. Все молчали с одинаково отрешенным и застывшим на лице выражением, какое бывает у людей, уходящих со стадиона после поражения любимой команды. За спиной в парке аттракционов бессмысленно крутилось чертово колесо с пустыми кабинками. Через плечо Пелхэм взглянул на площадку в полукилометре от пляжа. Среди пестрых строений все еще крутилась-вертелась пустующая карусель. Он решительно подтолкнул Милдред к парапету, помог ей соскочить на песок и попытался выбраться на набережную. Но как только они завернули за угол здания, встречный людской поток объял их и поволок назад по трещавшим под ногами транзисторам и бутылкам.

По-прежнему держась вместе, они, когда немного спал напор давившей сзади толпы, смогли нащупать землю под ногами. Вновь обретя равновесие, Пелхэм продолжал:

– ...Шеррингтон считает, что кроманьонец доходил от страха до безумия, вроде гадаринских свиней, – большин-

ство их захоронений обнаружено на берегах озер. Рефлекс может оказаться слишком силен... – тут он прервал свою речь.

Гул внезапно утих, и огромное скопище, заполонившее теперь пляж до последнего дюйма, безмолвно стояло, обратив лицо к морю. Пелхэм тоже повернулся к морю, где туманное море уже всего в пятидесяти футах от берега огромными клубами надвигалось на них. Слегка склонив головы набок, передовая линия толпы безучастно взирала на высоко вздымавшиеся валы. От поверхности воды шло яркое, пульсирующее, призрачное сияние огромного накала, и по сравнению с ним воздух на пляже казался серым. Неподвижные фигуры людей в этом странном фильтре напоминали надгробные статуи.

Наискось от Пелхэма, ярдах в двадцати впереди, стоял высокий человек с мирным, задумчивым выражением лица – борода и высоко подстриженные виски безошибочно указывали, кто он такой.

– Шеррингтон! – закричал было Пелхэм. Он невольно посмотрел при этом на небо и почувствовал, как светящаяся точка обожгла ему сетчатку.

На увеселительной площадке позади них в пустом воздухе кружила музыка.

Это было последнее, что он успел почувствовать, потому что в следующий миг толпа, охваченная единым порывом, снесла его и поволокла за собой в морскую пучину.

1962

The Reptile Enclosure (альтернативное название *The Sherrington Theory*). Первая публикация в журнале *Amazing*, март 1963.

Проблема возврата

Перевод Г. Соловьевой

Они весь день шли вверх по течению, иногда останавливаясь, чтобы поднять и очистить от намотавшихся водорослей винт – и к трем часам покрыли примерно семьдесят пять миль. В пятидесяти ярдах по сторонам патрульного катера высокой стеной поднимались джунгли – *mato grosso* Амазонки, протянувшиеся от Кампос Бурос до дельты Ориноко. Телеграфная контора Трес Буритис, от которой они начали путь в восемь утра, осталась далеко позади, но река не становилась уже, а течение – слабее. Неизменный сумрачный лес укрывал воду у берегов черным бархатным покрывалом. Временами попадались разливы, где вода стояла почти неподвижно, а медлительная маслянистая рябь, тревожившая поверхность, превращала ее в отяжелевшее отражение далекого, таинственного неба с островками бальзовых стволов, разбитых многослойной дымкой на дрейфующий сказочный архипелаг. Потом русло снова сужалось, и катер окутывала прохладная темнота джунглей.

Первые несколько часов Коннолли провел у борта вместе с капитаном Перейрой, но скользящие мимо бесконечные зеленые берега скоро ему наскучили, и с полудня он сидел в рубке, притворяясь, что изучает схему траектории. Время

здесь тянулось, пожалуй, еще медленнее, зато было прохладнее и не так уныло. Жужжа, крутился вентилятор, потрескивал водорез, шептали струи у гладких бортов, и все это успокаивало головную боль от тепловатого пива, выпитого за компанию с Перейрой после завтрака.

Первая встреча с джунглями разочаровала Коннолли. До сих пор его опыт ограничивался работами на озере Маракайбо, где от леса остались лишь деревянные скелеты нефтяных вышек, торчащие над водой. Фауну заменяли ржавые корпуса судов, тяжелые драги и понтоны. В амазонских лесах он надеялся увидеть все разнообразие и богатство природы, а нашел только заросшее, нетронутое болото, скорее мертвое, чем живое, – образчик бесхозяйственности в континентальном масштабе. Трудно было определить границы реки, разве что гниющие стволы складывались в подобие набережной, но строгих берегов не было: на сотни ярдов мелководье сливалось с подлеском, заливая и без того утопающие в сырости заросли.

Коннолли попытался высказать свое разочарование Перейре, который сидел под палубным навесом и хладнокровно покуривал сигару – отчасти в отместку за вежливое презрение к себе и своей миссии. Не только Перейра, но и другие знакомые Коннолли по Венесуэле и Бразилии служащие «Миссии защиты туземцев» считали джунгли со всеми их тайнами своей вотчиной и не собирались делиться с румяными пришельцами в отглаженных мундирах. На капита-

на Перейру не произвели впечатления ни шевроны с орбитальным значком ООН на плечах Коннолли, ни спущенная с верхов просьба о содействии, телеграфированная бразильской миссией три недели назад. Очевидно, офисы столичных небоскребов были так же далеки от Перейры, как Нью-Йорк, Лондон и Вавилон.

Внешне капитан проявлял готовность помочь: присмотрел за командой, грузившей снаряжение, проверил его «Смит-Вессон», поменял пару негодных противомоскитных сапог. Пока Коннолли не надоело, он дружелюбно поддерживал беседу, указывал на особенности местности и называл необычных птиц и ящериц, сидевших на ветвях над водой.

Однако его равнодушие к настоящей цели миссии – капитан едва кивнул, выслушав объяснения Коннолли, – скоро стало бросаться в глаза. Это безразличие раздражало: как будто Перейра только и делает, что катает по реке следователей ООН, разыскивающих пропавшие космические капсулы, как прочих туристов в поисках легендарного Эльдorado. Мало того, такое поведение наводило на мысль, что Коннолли и сотни других поисковиков на материке зря стараются. Что ни говори, намекал Перейра, с возвращения космического корабля «Голиаф 7» минуло пять лет и продолжать поиски в гуще южноамериканских лесов попросту неприлично, отдаст некрофилией. У пилота не было ни малейших шансов выжить, так что его следовало бы почтительно забыть, поставив памятник у какого-нибудь вокзала или аэропорта и доверив

его голубям.

Коннолли охотно объяснил бы причины столь упорных поисков, среди которых моральные соображения перевешивали даже политические и технические. Он бы напомнил, что пропавший астронавт, полковник Фрэнсис Спендер, взяв на себя огромный риск полета на Луну и обратно, заслужил, чтобы для его спасения сделали все возможное. Он бы сказал Перейре, что успешная высадка на Луне после полудюжины неудачных попыток – по меньшей мере трое неудачливых пилотов и теперь вращались вокруг Луны на мертвых кораблях – стала кульминацией вековых стремлений человечества, причиной глубочайших психологических перемен, а потерянный после возвращения астронавт нанесет людям неизлечимую травму вины и беспомощности. Если море было символом бессознательного, то не был ли космос образом необузданного времени, а его недоступность – знаком трагического изгнания на одну из окраин вечности, символом смерти в жизни?..

Только капитана Перейру все это не интересовало. Невозмутимо вдыхая пряный аромат сигары, он озирался с борта проплывавшие мимо гнилые болота.

Незадолго до полудня, когда катер прошел около сорока миль, Коннолли указал капитану на остатки бамбукового причала, приподнятого над берегом на столбиках. От него в мангровые заросли тянулся подвесной мостик на потрепанных канатах, а сквозь прореху в зарослях виднелась поляна с

заброшенными глинобитными хижинами, похожими в солнечном свете на осевшие кучки навоза.

– Это их лагерь?

Перейра покачал головой.

– Племя эспирро в близком родстве с намбикварами. Три года назад кто-то из них занес с телеграфной станции грипп, началась эпидемия, которая перешла в легочную форму, и триста индейцев вымерли за сорок восемь часов. Община распалась, выжили всего пятнадцать мужчин с семьями. Очень жаль.

Они подошли к мосткам и стояли рядом с высоким рулевым-негром, пока двое из команды укладывали секции проволочной сетки в клетку над палубой. Перейра в бинокль рассматривал реку впереди.

– С тех пор как эспирро покинули эти места, намбы хозяйничают и здесь. Мы их, конечно, не увидим, но убедиться не помешает...

– Вы хотите сказать, индейцы нам враждебны? – спросил Коннолли.

– Они бы так не сказали. Но между собой у них постоянная вражда и стычки, так что здесь, вдали от поселений, можно нечаянно угодить под удар. В селениях опасаться нечего – там установилось подобие равновесия. Хотя осторожность не помешает. Сами увидите, они нервные как птицы.

– Как же Райкер сумел с ними поладить? Он ведь не один

год здесь провел?

– Двенадцать лет. – Перейра присел на планшир и сдвинул фуражку на затылок. – Райкер – особый случай. Темперамент у него довольно взрывной – хочу вас предупредить, обращайтесь с ним осторожнее. Ему недолго заварить кашу... Но Райкер сумел приобрести положение в племени, вроде третейского судьи в вопросах межплеменной мести. Как он этого добился, до сих пор не знаю: для индейцев такое отношение к белым – редкость. Впрочем, нам это на пользу, мы, может быть, даже учредим здесь миссию. Хотя это почти невозможно: однажды попытались, так индейцы просто взяли и переселились на пятьсот миль от нас.

Коннолли снова взглянул на ветхий причал, уже скрывавшийся за излучиной и почти неотличимый от столь же безрадостных и убогих джунглей.

– Чем же Райкер здесь занимается?

В Бразилии Коннолли немного рассказывали об этом странном персонаже, журналисте и авантюристе, самозванном гражданине мира, который после сорока лет прозябания среди позолоченных божков цивилизации вдруг скрылся в делях Амазонки, где поселился с одним из туземных племен. Современные гогены – большей частью невротики или разуверившиеся в себе люди, но Райкер, похоже, был из настоящих. Последний представитель рода истинных индивидуалистов, презирающих регламентированную и разгороженную колючей проволокой жизнь двадцатого века. Одна-

ко избранный им рай выглядит вблизи довольно обшарпанным и убогим, отметил Коннолли. Впрочем, лишь бы этот человек сумел нанять индейцев на несколько поисковых отрядов, а большего от него не требуется.

– Не понимаю, почему Райкер выбрал бассейн Амазонки. Тихоокеанское побережье – да, но здешние индейцы, как я вижу и вы подтверждаете – болезненное и жалкое племя, едва ли достойное звания благородных дикарей.

Капитан Перейра, уставившись на маслянистую воду, пожал плечами. Тень от проволочных сеток разрисовала его пухлое желтоватое лицо. Застенчиво рыгнув, он поправил портупею.

– Насчет Тихоокеанского побережья не знаю, но догадываюсь, что и его приукрашивают. Да и Райкер сюда не вилами любоваться приехал. Индейцы же, верно, болезненные и довольно жалкие. Возможно, лет через пятьдесят они окончательно вымрут. Но пока живы, они все же ведут вольную, естественную жизнь, для которой все мы, по большому счету, созданы. Жизнь эта невероятно трудна, а они выживают. – Капитан хитро улыбнулся Коннолли. – Непременно обсудите это с Райкером.

Они помолчали, сидя у борта и глядя, как разворачивается впереди река. Изнемогающие деревья теснились по берегам, умирающие испускали дух среди живых, расталкивали друг друга, словно в последнем отчаянном рыке к патрульному катеру с его пассажирами. Следующие полчаса, пока не

вскрыли упаковку с завтраком, Коннолли высматривал среди крон мятую ткань гигантского парашюта, который должен был доставить капсулу на землю. Прочная материя не гниет и должна быть заметна, как огромная птица над крышей листвы. Однако после пива он почувствовал себя усталым и спустился в каюту.

Два стальных ящика с поисковым оборудованием задвинули под штурманский столик. Коннолли их выдвинул и убедился, что влагопрочная упаковка не повреждена. На визуальный поиск он почти не надеялся, но если капсула уцелела, у нее должны действовать радар и радиомаяк, передающие, правда, всего на двадцать миль, но вполне распознаваемые вблизи. Однако всю северную половину Южной Америки прочесали с воздуха, так что вряд ли маяки еще действовали. Исчезновение капсулы доказывало, что она получила по меньшей мере легкие повреждения, и за прошедшее время влажный воздух должен был разесть батареи.

В последнее время в космическом департаменте ООН стали поговаривать, что полковник Спендер ошибся на входе в атмосферу, и капсула испарилась при падении, но Коннолли подозревал, что эти разговоры ведутся, чтобы умиротворить общественное мнение и подготовить его к возобновлению космической программы. Прочесанное драгами озеро Маракайбо, как и его присутствие на этом катере, доказывало: в департаменте еще верят, что полковник Спендер жив или хотя бы пережил посадку. Предпосадочный виток орби-

ты должен был нацелить его в пятисотмильную зону восточнее Тринидада, но последняя радиограмма перед тем, как ионизация частиц вокруг капсулы прервала связь, указывала, что аппарат не дотянул до расчетной точки и должен спуститься где-то в материковой части Южной Америки, на линии от Маракайбо до Бразилии.

На трапе прозвучали шаги, в рубку спустился капитан Перейра. Бросив фуражку на штурманский столик, он сел спиной к вентилятору – так, что струя обдувала поредевшие волосы и доносила до Коннолли неаппетитный аромат чеснока и дешевой помады.

– Вы разумный человек, лейтенант. Только сумасшедший стал бы торчать на палубе. Однако... – капитан указал на бледное лицо и руки Коннолли, отпечаток долгой нью-йоркской зимы, – жаль, что вы отказываетесь от солнечной ванны. Столичная бледность индейцам в диковинку.

Он добродушно улыбнулся, показав желтоватые зубы, рядом с которыми его оливковая кожа казалась еще темнее.

– Очень может быть, что до вас им не приходилось видеть настоящих белых.

– А Райкер? Он ведь белый?

– Теперь – чернее черного. Не отличишь от индейца, если бы не рост – в нем семь футов.

Капитан наклонился к стоявшим на другом конце скамьи коробкам, порылся в них. Внутри обнаружилась странная коллекция: клубки пряжи и непряденого хлопка, комки вос-

ка и смолы, паста из семян уруку и бисер.

– Это убедит их в вашей благожелательности.

Коннолли смотрел, как капитан собирает коробки.

– На сколько поисковых партий здесь хватит? Мне на подарки выделили пятьдесят долларов.

– Это хорошо, – деловито кивнул Перейра. – Купим еще пива. Не подумайте чего, лейтенант, просто эти люди не продаются. Придется вам положиться на их добрую волю, а этот хлам – только чтобы привести их в подходящее расположение духа для разговора.

Коннолли коварно усмехнулся.

– Мне главное их расшевелить и выгнать в лес. Как вы будете организовывать поиск?

– Да уже искали.

– Что? – подался к нему Коннолли. – Как? Почему они не дождались... – Он оглянулся на тяжелые ящики с оборудованием. – Они же не знали, как...

Перейра остановил его, подняв руку.

– Успокойтесь, мой дорогой лейтенант, я выразился фигурально. Как вы не понимаете: это кочевой народ, они всю жизнь в движении. За пять лет индейцы по сто раз исходили каждый квадратный фут леса. Нет смысла их снова туда посылать. У вас одна надежда – если они что-то видели, и их удастся разговорить.

Пока Перейра разворачивал следующий пакет, Коннолли обдумывал сказанное.

– Хорошо, но я, может быть, захочу сделать несколько разведочных выходов. Не сидеть же мне на месте три дня.

– Естественно. Не волнуйтесь, лейтенант. Если ваш астронавт сел в пределах пятисот миль отсюда, они об этом знают.

Развернув пакет, он извлек миниатюрный тиковый футляр. Передняя панель откидывалась, открывая циферблат больших настольных часов из бронзового сплава с золоченым куполом колокольчика над готическими стрелками и цифрами. Капитан сверил их с наручными часами.

– Хороши, идут безупречно, ни на секунду не отстали за сорок восемь часов. Райкер запишет нас в белую книгу.

– Ради бога, зачем ему часы? – покачал головой Коннолли. – Я думал, он оставил все это в прошлом.

Перейра закрыл циферблат.

– А, да ведь от чего бы мы ни бежали, всегда уносим с собой воспоминания. Райкер коллекционирует часы, это я уже третьи для него покупаю. Бог знает, что он с ними делает.

Катер изменил курс и по широкой дуге развернулся поперек течения. Струи журчали и лепетали у борта. Мужчины вышли на палубу, где рулевой убирал часть сеток, освобождая себе вид на реку. Двое матросов вылезли из люка и встали на носу и на корме с причальными крючьями наготове.

Катер достиг широкой излучины, где поток выходил из берегов, разливаясь на полосе илистых отмелей двухсот, а то и трехсот ярдов в ширину. Вода на них стояла почти неподвижно, просачиваясь за обозначенные деревьями края, так

что взгляд с трудом находил вход и выход русла. Во внутреннем изгибе излучины, где был единственный участок твердой земли, на низком свайном помосте выстроили несколько хижин. Лес с обеих сторон протягивал к ним узкие языки, но дальняя от реки сторона была расчищена под селение – кампонг. По его дальнему краю тянулись домики кладовых, полуразвалившиеся шалаши и завалы сухих пальм.

Все выглядело заброшенным, но, когда катер, выбивая из стеклянной глади султан белых брызг, подошел ближе, в тени завивших помост лиан появились индейцы и с каменными лицами уставились на пришельцев. Коннолли ожидал увидеть высоких плечистых воинов с белыми шрамами на груди и плечах, но эти индейцы выглядели мелкими вырожденцами, низколобыми и плоскоголовыми, явно недоедающими. Они созерцали гостей с угрюмой настороженностью, как у забившейся в канаву бродячей собаки.

Перейра, прикрыв глаза от солнца – они пересекали солнечную дорожку на воде, – шарил взглядом по убогим бунгало из плетеного ротанга на дальнем конце помоста.

– Райкера что-то не видно. Спит или пьян? – Капитан заметил отвращение на лице Коннолли. – Да уж, неприглядное местечко.

Волна от движения катера плеснула в сальные бамбуковые сваи и подняла тем самым порыв зловония. Коннолли оглянулся на открытое зеркало разлива, на котором таил след их долгого пути к этому убогому селению. В вязкой

бурой воде терялась последняя нить, связывавшая его с порядком и здравомыслием цивилизации. Странный, мертвенный дух запустения навис над этой лагуной и угрожал без явных признаков враждебности – словно вся грубая жестокость амазонских джунглей сошлась здесь в неустойчивом равновесии, нарушив которое пришелец спустил бы с цепи страшные силы. Вдали, выше по течению, огромные мертвые стволы кренились в застывшем воздухе, и дымка погружала джунгли в беспокойную полуденную неподвижность.

Борт ударился о причал, ряд свай чуть качнулся, потревожив пару стоявших на воде долбленок. Рулевой дал задний ход, матросы завели концы. Ни один индеец и не подумал им помочь. Коннолли мельком поймал взгляд покрасневших старческих глаз, заметил сморщенное обезьянье личико и неровные зубы, жующие отвисшую губу.

Обращаясь к Перейре, он уже радовался, что капитан станет посредником между ним и индейцами.

– Капитан, я раньше не спросил... эти индейцы – каннибалы?

Перейра, придержавшись за опору, покачал головой.

– Что вы! Будь они каннибалами, их бы давно извели.

– И... белых не едят? – Коннолли поймал себя на том, что резко подчеркивает слово «белых».

– Бога ради, лейтенант! – расхохотался Перейра, поправляя форменную куртку. – Нет! Вы боитесь, что они съели вашего астронавта?

– Допускаю такую возможность.

– Уверяю вас, таких случаев не описано. Кстати говоря, на нашем континенте это редкое явление. Оно больше распространено в Африке... и в Европе, – с юмором добавил капитан. Помолчав, он с улыбкой добавил: – Не презирайте индейцев, лейтенант. Они больны и грязны, зато живут в равновесии с природой. И с собой. Здесь вы не найдете ни Христофора Колумба, ни полковника Спендера, но и Бельзена не найдете. Пожалуй, одно стоит другого, а?

Они уже двигались вдоль помоста, тесня одну из лодочнок, нос которой со скрипом ушел под корму катера. Перейра заорал на рулевого:

– Вперед, Санчо! Еще вперед! Где этот чертов Райкер?

Взбив Ниагару бурой воды, катер продвинулся дальше, раздвинул плечами бамбуковые сваи, отчего помост слегка подпрыгнул. Когда выключили мотор и закрепили концы, Коннолли поднял голову к помосту над собой.

На него с желчным раздражением глядел рослый мужчина с тяжелым подбородком, одетый только в поношенные полотняные шорты да безрукавку с плиссированной оборкой, открывавшую грудь. Темные глаза были едва различимы под широкими полями соломенной шляпы. Мощный мускулистый торс и плечи цветом напоминали тиковое дерево, на котором светлели лишь белые шрамы на губах и поджившие следы ожогов на бедрах. Надменно подбоченившись, мужчина словно воплощал собой ту неукротимую энергию, ко-

торой Коннолли так и не нашел в здешних джунглях.

Закончив рассматривать визитеров, великан взревел:

– Перейра, старый черт, ты что творишь?! Это ж ты мою пирогу притопил! Скажи своему рулевому, пусть сотрет бельма с глаз, не то я всажу ему пулю в зад!

Перейра, добродушно улыбнувшись, подтянулся на помост.

– Держите себя в руках, мой дорогой Райкер, а то как бы давление не подскочило. – он покосился на залитое водой суденышко, медленно всплывавшее из-под воды. – Да и зачем вам каноэ, вы же никуда не собираетесь?

Смягчившись, Райкер пожал капитану руку.

– Это вы так думаете. Вы с вашей треклятой миссией свалили на меня всю работу. Придете в другой раз, а я сбежал на тысячу миль вверх по реке и намба с собой прихватил.

– Грандиозный замысел, Райкер! Достоин Гомера! – Обернувшись, Перейра знаком подозвал Коннолли. Индейцы так и торчали вокруг, словно провинившиеся в чем-то чужаки.

Райкер недоверчиво изучал мундир лейтенанта.

– Это еще кто? Очередной самозванный антрополог в поисках сальных историй? Последний раз предупреждаю, с меня хватит!

– Нет же, Райкер! Вы что, мундир не узнали? Позвольте представить: лейтенант Коннолли из нового святого братства, чьими щедротами и заботами все мы живем в мире, –

из ООН.

– Что? Вы еще скажете, у него и мандат есть? Упаси боже, он станет морочить мне голову соотношением клетчатки и белков в рационе!

Этот театральный стон обнаружил в Райкере скрытые резервы едкого юмора.

– Расслабьтесь, лейтенант вежлив и обаятелен. Он работает в Департаменте космоса, отдел возврата. Разыскивает пропавшие аппараты и все такое. Вы, может быть, сумеете ему помочь. – подмигнув Коннолли, Перейра подтолкнул его вперед. – Лейтенант, это Раджа Райкер.

– Сомневаюсь, – кисло процедил Райкер, однако протянул руку, сомкнувшуюся на пальцах Коннолли как челюсти капкана. Сутулый и толстошей, он все же на добрых шесть, если не десять дюймов обогнал лейтенанта в росте. В ту секунду, пока он удерживал руку Коннолли, под маской недовольства на его лице мелькнула тревога.

– Когда упал ваш самолет? – спросил он. Коннолли подумал, что Райкер уже обдумывает выгоды спасательной операции.

– Довольно давно, – сдержанно ответил Перейра.

Забрав с катера пакет с настольными часами, он вслед за хозяином зашагал к дальнему бунгалу. Под плетенками из ротанга скрывалась единственная комната, со всех сторон окруженная верандой. Нависающая крыша защищала ее от солнца. От леса к дому тянулись лианы, так что бунгалу,

слившееся с фоном пальм, представлялось упорядоченным кусочком джунглей.

– Но индейцы могли что-то слышать, – продолжил Перейра. – Собственно, это было пять лет назад.

– Господи, и вы еще надеетесь! – фыркнул Райкер.

Поднявшись по ступенькам на веранду, они застали там узкоплечего подростка с глазами как влажные камешки, блеснувшими из тени навеса. Райкер, недовольно поцокав языком, подзатыльником спровадил юнца со ступеней. Тот, упав на колени, подобрался, по-прежнему не сводя глаз с Коннолли, и гнусавым уханьем выразил страх и возбуждение. Оглянувшись из дверей, лейтенант заметил, что еще несколько индейцев, собравшись на причале, наблюдают за ним с таким же пугливым любопытством.

Перейра похлопал Коннолли по плечу.

– Я же говорил, вы им в диковинку. Видали, Райкер?

Тот коротко кивнул и провел их в свою «гостиную», где снял соломеную шляпу и забросил на кушетку под окном. Комната была нищей и безрадостной. Простые бамбуковые полки вдоль стен, украшенные примитивными поделками из бамбука и слоновой кости, два кресла-качалки и карточный столик посередине терялись рядом с громоздившимся у задней стены викторианским гардеробом из черного дерева. Зеркала и резное подножие превращали его в подобие соборного алтаря. На первый взгляд казалось, что гардероб при-слонен к стене, но присмотревшись, Коннолли обнаружил,

что задние ножки тщательно подперли мелкими клинышками, чтобы укрепить сооружение на шатком полу. Там, где множились и уходили вдаль отражения боковых зеркал трюмо, громко тикал дешевый трехдолларовый будильник. Рядом, у стены, стоял двуствольный дробовик «винчестер».

Указав гостям на кресла, Райкер поднял жалюзи на заднем окне. За ним открывался вид на круглую деревенскую площадь. В тени хижин сидели на корточках, зажав коленями копыя, несколько индейцев.

Пока Райкер расхаживал по комнате, Коннолли отметил, что его прежняя шумливость уступила место слабому, но заметному беспокойству. Заметив, что перед хижинами собирается все больше индейцев, Райкер недовольно поморщился.

В доме стоял неприятный сладковатый запах. Оглядевшись, Коннолли увидел на картонном столике шкурки мелких зверьков, водяных землероек или каких-то лесных грызунов. Обработаны шкурки были кое-как, местами на них налипли сгустки крови.

Райкер ногой подвинул столик к Перейре.

– Вот они. Двенадцать дюжин. Не так легко было добыть, скажу я вам. Часы привезли?

Перейра, так и державший сверток на коленях, кивнул и с отвращением покосился на сырые сморщенные шкурки.

– Вы к ним крысиных не подмешали? Выглядят не очень. Может, вынесем наружу и проверим?

– Черт, Перейра, не валяйте дурака! – огрызнулся Райкер. – Лучших вы нигде не получите. Мне половину самому пришлось выделять. Посмотрим лучше на часы.

– Минутку. – бодрая и легкая манера капитана сменилась более сухой. Пользуясь преимуществом покупателя, он брезгливо потрогал одну шкурку и помотал головой.

– Фу... Знаете, сколько мне пришлось заплатить за эти часы, Райкер? Семьдесят пять долларов! Это ваш кредит за три года. Не знаю, не знаю... Вы не слишком стараетесь помочь. К слову, об упавшем аппарате...

Райкер щелкнул пальцами.

– Забудьте. Ничего здесь не падало. Намбы мне все рассказывают. – он обернулся к Коннолли: – Поверьте, кругом ни следа никаких самолетов. Здесь кого-то спасти – только время терять.

Перейра критически разглядывал Райкера.

– Между прочим, речь не о самолете. – капитан ткнул пальцем в шеврон с орбитой на плече Коннолли. – Это была посадочная капсула ракеты – с человеком на борту! С очень важным и ценным человеком. Пилот лунохода, полковник Фрэнсис Спендер!

– Ну, если так... – Иронически вздернув бровь, Райкер шагнул к окну и оглядел индейцев, занявших уже половину площадки. – Боже мой, что же дальше будет? Вы и вправду ищете здесь вашего лунопроходца? Вот уж нашли место!

Высунувшись в окно, он рявкнул на индейцев, но те, от-

ступив на несколько шагов, снова укрепились на позициях.

– Чертово дурачье – что им здесь, зоопарк?

Перейра, передав хозяину сверток, стал наблюдать за индейцами. Их уже собралось больше полусотни. Большинство сидели на корточках в дверях хижин, несколько мужчин помоложе точили копья.

– Удивительное любопытство, – заметил капитан Райкеру, который стоял у гардероба, бережно разворачивая подарок. – Неужели они прежде не видели бледнолицых?

– Это они от нечего делать.

Райкер большими ладонями извлек часы из футляра и чрезвычайно бережно водрузил рядом с будильником. Еле слышное шуршание маятника затерялось за металлическим тиканьем современного прибора. Минуту Райкер любовался затейливыми стрелками и циферблатом. Затем взял в руки будильник и, снисходительно огладив, примерно как офицер хлопает по плечу старательного, но туповатого подчиненного, запер его в нижний ящик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.